

БИБЛИОТЕКА «ПРАВДЫ»
V.

ДВА БРАТА

(ОПОВѢДАНЬЕ ИЗЪ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ)

— НАПИСАЛЪ —

МАКСИМЪ ПРИГОДА

— 00 —

— Цѣна 25 центовъ —

— 00 —

1928.

ТИПОГРАФІЯ «ПРАВДЫ»
1732 Brandywine Street Philadelphia, Pa.

БИБЛИОТЕКА "ПРАВДЫ"

V.

ДВА БРАТА

(ОПОВѢДАНЬЕ ИЗЪ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ)

НАПИСАЛЪ

МАКСИМЪ ПРИГОДА

Цѣна 25 центовъ

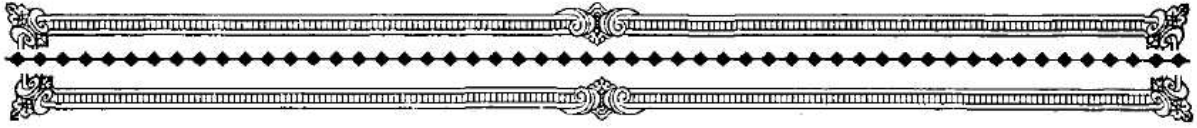
1928.

ТИПОГРАФІЯ «ПРАВДЫ», 1732 Brandywine St., Philadelphia, Pa.

МАКСИМЪ ПРИГОДА

Два Брата

(ОПОВѢДАНЬЕ ИЗЪ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ)

Въ Галичинѣ, на Подолью, жилъ господарь статочный и заможный, по имени, Несторъ. У Нестора грунту было досыть, бо онъ былъ одинакомъ у своего отца, и на него одного лишился весь маетокъ. Несторъ еще за женой досталъ великій маетокъ. Тожъ и не дивота, що Несторъ былъ великимъ газдой на цѣле село, и не было ему пары между господарями. А до того еще горѣлки не пиль, до корчмы не заходилъ, якъ то другій газды робятъ.

Сколько то есть газдовъ, що робятъ коло грунту, якъ чорный волъ, но ничего изъ того не мають! Одному ся не уродить, а хоть ся и уродить, то на солому есть досыть, а на зерно нема. И все недостатокъ, и все журба, Другій нарѣкае, що то грунтъ, не добрый, що то поле старе, тай не хоче вже родити. Но поле не старе, ино треба коло него на часъ, обробити, прогноити, на часъ съорати, засѣяти, тогда оно добре зародить, и буде що въ жнива собирати и возити, а въ зимѣ буде що молотити. Але кто пильнуе больше корчмы, якъ грунту, у того грунтъ не буде родити.

Несторъ былъ газда на цѣле село. Челядь у него ся тримала, вѣрно и щиро ему робила, бо у него былъ порядокъ. Онъ не лишь розказувалъ, но и самъ робиль. Ъсти у него было подостаткомъ и рихтельно: що ѣлъ самъ, то и челядь то ѣла. Все бывало онъ говорить: «Кто робить, тому треба и добре ѣсти». У него того не было, якъ то другій газды часто робятъ, що собѣ лѣпше, а роботникамъ горше, У Нестора того не было. Все одинаково, чи обѣдъ чи вечеря, то Несторъ и его жена разомъ съ челядью ѣли.

Въ селѣ Нестора всѣ любили, бо былъ добрый и справедливый. Пришли громадскій выборы, и Нестора выбрали войтомъ. Тутъ начались новы порядки въ селѣ. Заразъ казалъ Несторъ заложити громадскій шпихлѣръ и громадскій склепъ. Молодежь встрималъ отъ пѣятики. Уже хлопцѣ въ ночи не спѣвали по селѣ, якъ по-передному. Корчма была велика, але вже порожна. Жидъ видить, що бѣда вже зачинае дивитися и до него. Никто до корчмы не йде ничего куповати ани продавати, бо въ селѣ мають свой громадскій склепъ.

«Зле», думае корчмарь, «треба съ тѣмъ начальникомъ що-нибудь робити. Но що? Зле, що онъ горѣлки не пѣе... Эй, кобы онъ горѣлку пилъ, то онъ мене, а не я его бы просилъ. Но може жена у него инша, може съ женою дастся що-нибудь сдѣлати...»

На другой день жидъ пойшоць до Нестора, якъ до начальника. Прийшоць въ хату, файно поздоровилъ Несторову жену и пытаеся: — Панѣ вуйцѣха, а где вашъ человекъ, панъ начальникъ, я бы хотѣлъ ихъ бачити, бо маю до нихъ дуже пильну просьбу.

— Панъ начальникъ пойдѣли до канцеляріи, — отвѣтила жена Нестора. — Може за годину придуть. Якъ вамъ дуже пильно, то йдѣть до канцеляріи.

— Ну, панѣ вуйцѣха, менѣ не такъ дуже пильно, я на нихъ зачекаю, бо то такѣ дѣло, що я дома хочу съ ними поговорити.

— Якъ такъ, то почекайте, Гершку — начальникъ незадолго придуть.

Гершко сѣлъ собѣ на лавцѣ, подперъ руками голову и зачалъ плакати.

— А вы чога, Гершку, плачете? — запыталася удивленно Несторова жена.

— Якъ менѣ не плакати, панѣ вуйцѣха, коли я такій бѣднѣй, що у мене нема кавалка хлѣба. Дѣти плачуть, бо хочуть ѣсти, а ту нема що дати. До корчмы никто не зайде, ани до мого склепу, бо панъ начальникъ заложили громадскій склепъ. Горѣлки люди не пѣють, а тотъ, що пѣе, то оно ничего не мае — за дурно бы выпило, а заплатити не мае чѣмъ. Менѣ перше было добре, но отколи ваши человекъ стали вуйтомъ, то менѣ вже бѣда, и чѣмъ день, все горше.

— Я вамъ, Гершку, въ томъ ничего не годна порадити ани помочи. Якъ придуть начальникъ, то вы имъ говорѣть.

— Ну, ну, панѣ вуйцѣха, вы можете много помочи. Я васъ буду дуже просити, якъ я буду говоритъ съ паномъ начальникомъ, то може они не схочуть мене послухати, такъ вы ихъ сами попросѣть за мене, то може борже васъ послухають, якъ мене, бѣдного жида. Человекъ все борже послухае своей жены, якъ кого другого, а я вамъ дамъ дуже файнѣй дарунокъ...

При тѣхъ словахъ Гершко вытягъ изъ кармана шнурокъ коралей, такихъ великихъ, якъ свербилузь, и показалъ Несторовой женѣ: — Дивѣтсѣ, панѣ вуйцѣха, то естъ правдивы коралы, що теперъ трудно где такихъ достати. Якъ вы попросите свой человекъ, пана начальника, о що я васъ прошу, а они менѣ то учинять, то я вамъ дамъ тотъ дарунокъ.

Войтиха оглянула тотѣ коралы, и дуже ся ей сподобали.

— Добре, Гершку, — говорить она: — я буду просити Нестора, но я не знаю, чи онъ схоче мене послухати.

— Ну, ну, зробіть то для мене, бѣдний жидь!

Ажъ тутъ приходитъ самъ Несторъ изъ канцеляріи. Ино вступалъ Несторъ до хаты, жидь заразы его файно привиталъ: — Здравствуйте, пане начальник!,. Якъ ваше здоровьечко?

— Хорошо, Богу дьяковати... Певно буде слота, що ся жиды волочатъ, — отвѣтилъ съ усмѣхомъ Несторъ. — Ну, що коло тебе чувати, Гершку?

— Коло мене дуже зле чувати, пане началышкъ. Я бы найгоршому ворогови не жичилъ того, якъ менѣ теперъ есть.

— А то чому, Гершку?

— Ну, якъ то чому? — Хлопы горѣлки не пьютъ, до корчмы не заходятъ, якъ перше. Склепъ мають свой, все тамъ купуютъ и продаютъ, а за мене вже забыли. Я не одному добре зробилъ, а они мене теперъ сдалека оминаютъ.

— О, я знаю, Гершку, що ты не одному добре зробилъ, що нынѣ съ торбами пойшоль, бо въ корчмѣ все пропилъ.

— Ну, пане начальникъ, я ихъ не просилъ, они мене сами просили, щобы давати пити. Якъ я не хотѣлъ дати, то ще ся на мене нагнѣвалъ, ще повѣдалъ: «Що, чи я не газда, що ты менѣ не хочешъ дати пити?» Такъ я мусѣлъ давати, и я тому не виноватый...

— Правду говоришь, Гершку, ты тому не виноватый, ино народъ самъ виноватый, бо его не было кому научити, показати ему лучшу будущность до житья. Онъ робилъ, якъ волъ цѣле лѣто, а въ зимѣ въ корчмѣ просицѣлъ, и такъ сбѣгали ему роки за роками, а добра не было, бо не было кому показати другой дороги до лучшего житья. А теперъ народъ позналъ, що есть добре, а що есть зле, и покидае зле, а бересе до лучшего. И сами ся переконали, що теперъ есть лучше.

— Але, пане начальникъ, що васъ то обходить, що другому зле чи добре. Вы такъ робѣтъ, щобы вамъ было добре, а другій якъ хоче, най такъ робить. Они вже мають свой розумъ, ихъ вже не треба учити...

— Слухан-но, Гершку, — сказалъ острѣйше вже Несторъ: — а чому вы жиды одинъ за другимъ такъ стоите, одинъ другому помагаете?. Будь онъ Богъ знае откуда, но вы ему поможете, его научите, що мае робити, най ся называв, якъ

хоче. Такъ повинно быти и буде и между нами русинами. Якъ русскій!, то мае стояти за русскимъ народомъ, то тогда и намъ буде лучше.

— Не говорѣтъ такъ, пане начальникъ, тажъ вы знаете, що у жидовъ одна вѣра и таке вже приказанье, то не могутъ иначе поступати. А у русиновъ, що русинь, то друга вѣра и друга партія, та чого имъ помагати? Они не мають такого приказанья...

— То ничего, Гершку, що русины теперъ подѣлены. Они подѣлены, бо еще не просвѣщены. Нашому народу не давали науки. Що мали будувати школу, то будували корчму, а якъ заложили школу, то учили въ ней, що за границей уже иншій русскій народъ, що онъ въ Бога не вѣруе. Паны боятся дати науку простому народу, бо бы не было кому на нихъ робити за дурно, якъ до теперъ мы робили. Где есть въ селѣ добрый священникъ и добрый профессоръ, а до того еще добрый войтъ, тамъ въ громадѣ добре ся поводитъ, бо есть кому людей на добру дорогу навести. Але теперъ трудно такую громаду найти. Що до мене, то разъ я выбранный войтомъ, то хочу, чтобы въ громадѣ былъ порядокъ, чтобы одинъ другого не кривдилъ ни на чести, ни на маетку, ани на здоровьи. Кто провинится, того треба покарати, а найбільше тѣхъ піяковъ, що въ корчмѣ сидятъ, бо они найбільше бѣды робятъ.

Жидови было неприятно слухати такихъ словъ. Онъ поднималъ руку, якъ бы хотѣлъ, Нестора задержати, а потомъ промовилъ:

— Пане началышкъ, они вамъ ничего злого не зробили, чого ихъ карати? Якъ никто не буде до моей кормы заходити, то що я буду робити? И такъ вже я бѣдный и не маю вже, чѣмъ, жити. То буде велика кривда... а коло поля я не умѣю робити.

Послѣдни слова Гершко выговорилъ жалостнымъ тономъ, якъ бы собирався плакати.

— О якъ не умѣешь, Гершку, коло поля робити, то ся научишь. Тогда будешь знати, якъ то треба працювати на кавалокъ хлѣба, и то ще всегда бракуе. А у тебе все есть хлѣбъ, а на шабашъ колачъ и курка. У нашего газды того нема на Великдень, що у тебе до каждого шабашу. Не мало людей ты пустанъ съ торбами и ихъ маетки забралъ...

— Я за дурно не бралъ, они менѣ были винны, то я мусѣлъ забрати.

— Добре, Гершку, они тобѣ винны, но скажи, на що они у тебе брали? На насѣнье, на передновокъ или на податокъ. А все черезъ твою корчму, черезъ горѣлку. Въ корчмѣ сидѣлъ, господарки не пильновалъ, на часъ въ полѣ не обробилъ, тому ся не уродило или худоба вигинула. Дѣтей не умѣлъ научити, бо не было на то часу, и якъ дѣти подросли, тай собѣ у тата крали и до корчмы

носили, що легко порозумѣти, бо они беруть собѣ примѣръ съ тата. Въ нашей громадѣ теперъ того не буде. Мы маемо свой шпихлѣръ, громадскій, то кому бракне на насѣнье, чи на передновокъ, то есть где достати таньше и лучше купити, якъ у жида. Наша громада може обойтиса безъ жида, то и жилы най стараются обходитиса безъ насѣ.

Такъ отповѣтъ Гершкови Несторъ. Несторова жена приступила тогда до своего мужа и говорить: — Слухай-но, Несторъ, той бѣдний Гершко хоче также жити на свѣтѣ, а що-жъ онъ буде робити, якъ ты заборонишь людемъ пити и люди по-слухають и до корчмы не зайдуть.

Несторъ розсердился немного и, звернувшись до своей жены, сказалъ спокойно, но твердо: — Слухай-но, Татьяна, ты пильнуй своего права... коло печки и коло коцюбы, а не мѣшайся до моихъ справъ. Я есть господарь дому и господарь громады и такъ роблю, абы было менѣ добре и цѣлой громадѣ, бо на то мене громада выбрала, щобы я громаду пильновалъ и въ громадѣ порядокъ трималъ.

Татьяна ино засоромилась и, не сказавши ни слова, отойшла до своей работы коло печки. Жаль ей было тѣхъ коралей, но трудно, бо Нестора не отмовишь ани не подкупишь.

— А тобѣ, Гершку, — сказалъ Несторъ, обернувшись до жида: — я не забороняю въ корчмѣ сидѣти, но свою громаду я буду старатися отъ того поганого порока, отъ пѣятики отучати, абы всѣ познали, що есть добре, а що зле.

— Ну, пане начальнику, якъ люди не будутъ пити горѣлки, то тогда на чорта мене тугъ въ корчмѣ. Я не буду мати изъ чого жити, та хиба менѣ треба буде съ голоду умерти.

— Та чого съ голоду тобѣ умирати, Гершку? Вотъ иди наймиса до якого газды молотити, а твоя жена може въ полѣ кому пособити такъ, якъ наши жены працюють, тай будешъ жити. А мы якъ жиємо? Такъ само и ты будешъ жити.

— Жидъ ся на то не вродиль, щобы на хлоповъ робиль, — отвѣтилъ гнѣвно Гершко.

— Та вже и ты, Гершку, того больше не дочекаешся, щобы хлопы на тебе робили. Якъ такъ хочешъ пановати, то ѣдь собѣ до своей земли, до Палестины, мы безъ тебе можемо ся обойти, якъ коло поля не хочешъ робити. А теперъ будь здоровъ, Гершку, бо я не маю больше часу тутъ съ тобою балакати.

Такъ съ чѣмъ пришолъ, съ тѣмъ и отышолъ Гершко. Пришолъ до дому, сѣлъ собѣ на лавцѣ въ корчмѣ и зажурился. Съ той нуды и злости ажъ зачалъ бороду

собѣ дерти. Але выходитъ Гершкова жена Сура, дивится, що Гершко бороду дре, и пытаеся по-жидовски: — Гершку, що тобѣ есть, що тебе болитъ?

— Ничого я не могъ подѣлати съ тѣмъ хлопомъ, — сказалъ Гершко и зачалъ дуже на Нестора нарѣкати и клясти, на що даюгъ хлопъ науку. — Доки хлопъ не малъ науки и не умѣлъ читати, то мы были панами, а теперъ хлопъ берутся до науки, одинъ другого учить, теперъ намъ приходится бѣда.

— Ну-ну, Гершку, що тотъ начальникъ тобѣ сказалъ?

— А щобы онъ здохъ еще такимъ маленькимъ, така юха — казалъ, що еще цѣлу громаду мусить огучити огъ горѣлки, щобы никто до корчмы не заходилъ.

— Ай-вай, — зарыдала Сура: — а що мы тогда будемо робити?

— Та еще менѣ казалъ, щобы я ишолъ на хлоповъ робити — цѣлыми молотити, а ты щобы йшла на поле робити, якъ ихъ жены робягъ.

Сура зачала страшно Несторови лаяти и въ злости плакати. Въ той самой хвилѣ до корчмы пришолъ Марцѣнъ Кривобокій, що все въ корчмѣ сидѣлъ, бо вже весь свой маетокъ пропилъ. Гершко у него все забралъ за горѣлку, жена Марцѣнова ходила по жебранью, а самъ Марцѣнъ сидѣлъ въ корчмѣ цѣлыми днями и тамъ же на подсіню спалъ. Перше, якъ люди приходили до корчмы, то для Марцѣна былъ рай, бо то одинъ, то другій купилъ ему горѣлки, але теперъ для Марцѣна насталъ постъ. Гершко задармо не хотѣлъ ему давати, за одинъ келишокъ треба было дровъ нарубати, корчму замести и воды принести.

Пришолъ Марцѣнъ до корчмы и дивится, що Сура и Гершко сидягъ зажурены и чогось заплаканы.

— Гершку, дай-но горѣлки! Чого сидишь тай думаешь... най кобыла думае, бо велику голову мае.

— Ой, Марцѣне, кобы вы мою бѣду знали, то бы вы свою показали.

— Та менѣ ще треба бѣды? Та я самъ, якъ бѣда...

— Ну-ну, Марцѣне, вы вже съ бѣдою вродилися, то вамъ вже все однаково, а я бѣды не зналъ, ани она мене, ажъ теперъ она ирнходитъ до моей хаты.

— Та яка тобѣ бѣда, скажи менѣ, Гершку!

— Я вамъ, Марцѣне, все розкажу, щобы вы знали, якій я несчастный человекъ на свѣтѣ. Доки не было того Нестора за войта, то менѣ было добре и всѣмъ людямъ добре, а съ того часу, якъ онъ насталъ войтомъ, то менѣ все горше и

горше. Черезъ него люде у мене не купують, а купують въ громадскомъ склепѣ. Но то было бы еще только полъ бѣды. Горше то, що они змовилися съ попомъ и сварятъ на людей, щобы горѣлки не пили, то люде боятся ихъ и не пьютъ, ани до корчмы не заходятъ. Вотъ то вже есть цѣла бѣда.

— Та я до церкви не хожу, — сказалъ Марцѣнъ: — но отъ людей я чуль, що попъ казалъ въ церкви, що якъ кто помре, а тамъ буде горѣлка, то не поховае покойника, у кого буде вѣселье, а буде при томъ горѣлка — то не дастъ тому шлюбу, или где крестины, а буде горѣлка — тому не окреститъ дитины. Такъ правѣ цѣле село заприсягнуло огъ горѣлки, бо ся боятъ попа и войта.

— Ну видите, Марцѣнку, яка то забава, якъ нема горѣлки? Горѣлка всѣхъ веселитъ и здоровья додае, а нема горѣлки, то всѣ сумны.

— То менѣ не мусишь казати, Гершку, бо я то самъ знаю наилучше. Якъ человекъ выпьетъ, то заразы и веселый и здоровый, а до того и розумный, бо скорше що-нибудь скаже. Люде боятся попа, но еще больше боятся войта, бо заразы всадитъ до громадского арешту и щей выбьетъ. Менѣ самому вже два разы казалъ: «Марцѣнъ, ты до корчмы не ходи, бо я якъ зобачу тебе пьяного, или въ ночи найдутъ тебе вартовники, то прикажу замкнута до арешту, а еще до того набыю».

— Онъ такъ вамъ казалъ? А що вы на то ему отповѣли?

— Та що было казати? Говорю ему, я бѣдный, я не маю за що пити, а Гершко на боргъ не хоче дати. На то сказалъ войтъ: «Видишь, Марцѣне, якъ ты былъ газда, то и Гершко на боргъ тобѣ давалъ, а якъ забралъ твой маетокъ за горѣлку, то теперь и на боргъ не хоче дати. А все черезъ горѣлку. Ты колись былъ господаремъ и наймитовъ трималъ, а нынѣ ты жебракомъ, а Гершко паномъ на твоємъ грунтѣ...».

— Ну-ну, Марнѣше, то залишѣтъ, щось инакшого говорѣтъ. Вы не слушайте того Нестора... На тобѣ, Марцѣне, полкватировъ горѣлки, що-бысь зналъ, що Гершко добрый человекъ.

Марцѣнъ выпилъ горѣлку и каже: — Дай-же ти Боже здоровья, Гершку. Мене еще отъ рана такъ въ серединѣ крутитъ, але не маю ни цента. Я тобѣ за то отвдячуся.

Гершко поговорилъ до своей Суры по-жидовски, що онъ хоче сдѣлати Марцѣна пьянымъ, найбы ишолъ коло войтовой хаты, що ему войтъ скаже. Якъ войтъ Марцѣна всадитъ до арешту, тогда Марцѣнъ буде мати на него злость и можно буде що-нибудь дѣлати. Сура похвалила планъ и сказала: «Ну, роби, щобы было добре!»

— Ну, Марцѣнку, выпейте еще полкватирокъ, — сказала Гершко.

— Та якъ ваша ласка, то дайте, — отвѣтилъ довольный Марцѣнъ.

— Знаете, Марцѣнку, нынѣ моей жены именины, то она каже, щобы вамъ дати пити на ея здоровье, сколько хотите, щобы вы памятали, якъ моя жена была для васъ добра.

— О коли нынѣ вашей Суры именины, то я имѣ файно повѣнчую, — сказалъ Марцѣнъ и обернувшись до Суры, говорилъ: «Вѣнчую вамъ, паньы Суро, щобы вамъ добре было и вашему челоуѣку и вашимъ дѣтямъ, щобы-сте долго прожили и наше село купили».

Гершко ажъ подскочитъ съ радости, що Марцѣнъ ему такъ красно вѣнчуе, и поставилъ фляшку горѣлки на столъ и говоритъ: «Пейте Марцѣнъ, щобы вы еще нынѣ по селѣ спѣвали!»

— Дуже добре, Гершку, я цѣлу ночь буду спѣвати по селѣ.

Такъ одну но другой выпивае Марцѣнъ и вже начинае спѣвати Гершкови и Сурѣ «Многая лѣта». Гершко ино бороду гладитъ и Марцѣна хвалитъ: «Вы дуже добрый челоуѣкъ, Марцѣнку».

— Тай и ты добрый, Гершку, я за тобою бы и въ огонь скочилъ.

Коли Марцѣнъ собѣ добре подпилъ, каже до него Гершко: «Теперь

вы, Марцѣнку, пройдѣтся по селѣ, а потомъ снова сюда приходѣтъ, то еще выльете — я вамъ не буду жаловати нынѣ, бо нынѣ моей Суры именины. Я бы далъ пити и другимъ людемъ, но они сами собѣ винны, що не приходятъ до корчмы».

Марцѣнъ выйшолъ изъ корчмы такой пьяный, що ледви на ногахъ тримался, и якъ затыгъ голосомъ, то такъ, якъ бы волкъ на скалѣ вылъ. Люди зачалися на Марцѣна дивити и насмѣхатися надъ нимъ, но Марцѣнъ еще горше спѣвае. На тотъ часъ надойшолъ Несторъ, бо ишолъ изъ канцелярїи до дому, и увидѣвши Марцѣна въ такомъ безнадежномъ состоянїи, приказалъ его сейчасъ всадити до громадского арешту, щобы завтра зробити съ нимъ справу.

Цѣлу ночь просидѣлъ Марцѣнъ въ арештѣ и цѣлу ночь спѣвалъ Богъ знае якїй спѣванки, а больше Гершковой Сурї «Многая лѣта». Ажъ надъ раномъ Марцѣнъ заснулъ. Около девятой години пришолъ войтъ до канцелярїи и приказалъ присяжному, щобы привелъ Марцѣна изъ арешту.

Приходить Марцѣнь до канцелярії и дивится: сидятъ радны и войтъ. Несторъ всталъ съ кресла, приступилъ до Марцѣна и зачалъ слегка повѣдати:

— Слухай-но, Марцѣне, я вже тебе два разы напоминалъ, щобы ты не ходилъ по селѣ пъянымъ, а ты ся такъ поправилъ, що идешь вечеромъ черезъ село и спѣваешь Богъ знае якїи поганы спѣванки, и людей страшишь. Чи такъ файно для тебе? Тажъ ты вже старшій человекъ, та ты робишь паскуду на цѣло село.

— Я не спѣвалъ, пане начальнику, мене задармо всадили до арешту.

— Тихо, Марцѣне, такъ гладко не бреши! Кому ты брехню завдаешь? Тажъ я самъ видѣлъ тебе пъянымъ и казалъ замкнути, а ты еще кажешь тутъ, що то не правда.

— То я троха вчера выпилъ, менѣ Гершко далъ, бо его Суры были именины.

— Ого, Гершковой Суры именины... я вже знаю, до чого то все приходитъ. Я тобѣ нынѣ также справлю именины за непослухъ.

Несторъ казалъ положити Марцѣна на лаву и дати ему пять розгъ и три дни арешту. Марцѣнь сталъ ся просити, але просьба ему не помогла. Досталъ пять розгъ ниже плечей и еще пойшолъ на три дни до арешту.

Между тѣмъ въ корчмѣ Гершко чекае нетерпеливо, що сталося съ Марцѣномъ. Вже полудне, а Марцѣна не видно, ни никто изъ посторонныхъ людей не приходитъ въ корчму, такъ що не можно ничего довѣдатися. «Гмъ,», думаетъ Гершко, «може тотъ Марцѣнь где нибудь въ ровѣ спить, а може въ арештѣ? Треба пойти самому и поспытатися».

Выйшолъ Гершко на дорогу, а тутъ ему люди говорятъ, що Марцѣнь досталъ пять розгъ и теперъ въ арештѣ покутуе. Гершко якъ то почувъ, такъ заразъ вернулся до корчмы и зачалъ Сурѣ повѣдати: — Чуешь, Марцѣнь вже сидить въ арештѣ и шей досталъ пять буковъ.

— Ну и що съ того тобѣ буде, що Марцѣнь досталъ букомъ и сидить въ арештѣ?

— Ну, та я того хотѣлъ, щобы Марцѣнь такъ досталъ отъ начальника, бо теперъ Марцѣпъ буде мати на него велику злость... Гмъ-гмъ, мы ще того начальника пустимо съ торбами. То богато такихъ было, що перше былъ войтъ, а теперъ съ торбами ходить по жебрахъ.

— Эй, кобы менѣ Богъ далъ того дочекати, — вздохнула Сура: —щобы я могла видѣти его въ такомъ положеннію.

— Ну, дочекаемо того, якъ я живой, на то не треба теперъ долго чекати.

II

На третій день Несторъ приказаль выпустити изъ арешту Марцѣна и привести его до канцеляріи.

— Слухай. Марцѣне, — сказалъ войтъ: — ты вже свою кару отсидѣль и хожешь ийти. Но я еще разъ тобѣ нынѣ повѣдаю, що если будешь пьянымъ, то я вже тобѣ справы не буду робити въ селѣ, а отдамъ тебе на постерунокъ жандармеріи, то они тобѣ дадутъ школу, и до повѣтового арешту пойдешь на пару мѣсяцевъ, то тогда погамтаешь и ще другимъ скажешь.

Марцѣнъ ино зубами заскреготаль со злости и ничего не отвѣтилъ.

А Несторъ продолжалъ: — Не лишъ то одно, але и тверезого якъ бы тебе вартовникъ збачилъ въ ночи, до тя замкне до арешту. Теперь иди собѣ и памятай тотъ параграфъ, якій я тутъ тобѣ проголосилъ.

Марцѣнъ вийшолъ быстро изъ канцеляріи, якъ бы кто за нимъ гнался. А Несторъ сказалъ присяжному, щобы призвалъ въ канцелярію обоихъ вартовниковъ.

За хвилю пришли оба вартовники, перестрашеннии, бо не знали, що такого случилось, що ихъ требуютъ въ канцелярію. Но Несторъ успокоилъ ихъ и сказалъ: — Якъ вижу, вы чоґось настрашены, но не бойтесь, съ вами есть все добре. Я послалъ за вами, бо хочу вамъ тутъ сказати, щобы вы, коли будете въ ночи на вартѣ, пильновали того Марцѣна Кривобокого, бо менѣ мой розумъ такъ диктуе, що они оба съ Гершкомъ заключили якій-то союзъ, то абы часомъ громада отъ того не потерпѣла. Тому Марцѣну нема що вѣрити — за келишокъ горѣлки онъ могъ бы цѣле село съ дымомъ пустити. Дятого майте его всегда на оцѣ въ ночи, а якъ побачите его въ селѣ, то заразъ до арешту замкнути.

— Дуже добре, пану начальнику, мы будемо его добре пильновати, — отповѣли оба вартовники и пошли собѣ домой. По дорогѣ одинъ другому говорить: «Але я настрашился, явъ присяжный пришолъ за мной. Думаю, що ся стало, що кличуть мене до канцеляріи. Еще николи того не было, ажъ нынѣ. Но того войта не годенъ никто здурити. Добрый съ него войтъ для громады. Теперь въ громадѣ добре, нема вже піяковъ, молодежь ведеса спокойно, не такъ якъ перше, коли бывало скажи которому, щобы не спѣвалъ, бо вже поздно, то еще до бійки кидался и могъ голову розбити вартовнику. Уже и за вартовника никто не хотѣлъ тогда служити въ громадѣ, а теперь маемо чистый покой.

Между тѣмъ Марцѣнъ, якъ вийшолъ изъ арешту, пойшолъ просто до корчмы, до Гершка. Жидъ привиталь его такъ, якъ бы самъ, совсѣмъ ничего не зналъ, що съ нимъ случилось: — Где вы были такъ долго, Марцѣнку, бо я вже думалъ, що може вы присягнули, щобы горѣлку не пити и до корчмы не заходити?

— О того никто не дочекае... А ты, Гершку ничего не знаешь, где я былъ?

— Штъ, ничего не знаю.

— Тажъ я былъ три дни въ арештѣ» и еще досталъ пять буковъ отъ того бурмила.

— Отъ кого? — засмѣялся весело Гершко, который былъ въ счастливомъ настроеніи духа. — Отъ того бурмила? Та кто тогъ бурмило?

— Та теперешній войтъ! — крикнулъ Марцѣнь. — Но, але я его теперь выгрхтую... еще съ торбами пойде.

— Ну-ну, дай Боже, — заговорилъ любезно Гершко: — а теперь сѣдайте, Марцѣне, выпьете горѣлки.

— Та якъ менѣ сѣсти, Гершку, я такъ побитый, що даже сѣсти не годенъ. Але его лиха година побье... лучше ему было собѣ чорта зачепити, якъ мене.

— Ну, Марцѣнку, выпейте ту горѣлку, а потомъ собѣ поговоримо.

Марцѣнь вынилъ полкватпрокъ, одинъ, потомъ другій, и кровь заигралаему весело въ жилахъ. А Гершко, якъ змѣй-искуситель говорилъ дальше: — Слушайте, Марцѣне, вы тому вѣтгови не годны ничего зробити: за нимъ стоить цѣле село, а вы одинъ.

— Та най стоить, а я и такъ не буду боятися. Я вже маю на него способъ.

— Ну, та якій способъ? Скажѣтъ менѣ, не бойтися, я никому не выявлю.

— Та я то знаю, що ты никому не выявишь. Знаешь, я ему ничего иного не годенъ зробити, ино я его... съ дымомъ пуцу. Послѣдніи слова Марцѣнь проговорилъ по-тиху, до уха Гершкови.

Гершко, якъ то почувъ, ино собѣ бороду погладилъ и снова далъ полкватирокъ горѣлки: — Выпейте еще, бо вы и я такой самой думки. Ино я вамъ скажу, Марцѣнь, но подѣ великимъ секретомъ, що теперь того не треба робити. Незадолго будутъ жнива, то почекайте до жнивъ, якъ буде зерно дома, якъ все съ поля позвозитъ, тогда, можете ему то зробити, що задумали, а теперь шкода: онъ хотя бы и погорѣлъ, то собере съ поля, тай снова буде богачъ. Але якъ онъ погоритъ по жнивахъ, то не такъ легко ему буде поднятися, тогда онъ муситъ пожичати. Свату правду кажешъ, Гершку, треба почекати, най троха призабуде, що малъ со мною до дѣла.

Незадолго пришли жнива. Всяда файно зародило, бо газды начась собѣ коло грунту обробили, начась позасѣвали, и дочекалися заслуженной заплаты. Роспочалися жнива, и люди вышли съ серпами и косами на поля богато зародившого збожа. У Нестора грунту много. Вышли женцѣ жати, жнуть и копу коло копы кладуть, ажъ ся челоуѣку душа радуе. Каждый веселый, що Богъ. такъ хорошо зародилъ сего року — якъ на солону есть, такъ и на зерно. Даже и тѣ найбѣднѣйшии, що не мали своего грунту, чулися веселѣйте, бо было где заробити.

Кончилися жнива, люди возять съ поля до дому збоже, каждый сталить на подворью стожки, а у Нестора то вже стирты стоятъ. Даже стары люди повѣдають, що такого урожайного року не памятають. Лишь у Гершка коло корчмы пусто. Хоть и у него было много грунту, но все то стояло пусто, бо не было кому обробити. Каждый робилъ собѣ коло своего грунту, а Гершкови не хотѣли, хоть и просидѣ и платилъ. Бывало раньше люди перше Гершкови робили, чѣмъ собѣ, бо за долгъ каждый старался Гершка якъ наилучше послухати. Раньше въ жнива то газда больше до Гершка возилъ, чѣмъ до своего дому, бо черезъ зиму сидѣлъ въ корчмѣ, но не за дурно, а за то, що му ся уродить. Та не лишъ газда, но и его сынъ привезе одну фѣру до дому, а другу до Гершка, бо ему Гершко пятку пожичилъ на музыку. Раньше у Гершка стирты стояли, а у мужиковъ въ стодолѣ пусто было, ино ся совы множили. А нынѣ вже у мужиковъ стирты стоятъ, а у Гершка на томъ пляцу, где стояли стирты, заросло бурьяномъ и кропивой.

Гершко мало собѣ борода не выдре со злости, що у людей стоги стоятъ, а у него ани снопа нема. Правда, у него еще не така велика бѣда: два сыны у него въ школахъ, пару сотъ мае готовыхъ грошей, но що съ того, коли изъ купки ся расходить, а не приходитъ. И вся та злость, яку Гершко носилъ въ своей душѣ, обертаеся противъ Нестора. Уже и спати не може, бо въ снѣ его мысли всегда коло Нестора и коло его маетку.

Одного дня по жнивахъ приходитъ Марцѣнъ до корчмы, чогось засумованный и злостный: — Гей, Гершку, — кричить онъ: — дай горѣлки! Хоть грошей теперъ не маю, но якъ дороблюся, то тобѣ отдамъ.

— Добре, Мариѣне, я вамъ и такъ дамъ.

Марцѣнъ выпилъ одннѣ и другій полкватирокъ, и вже повеселѣлъ. Гершко даль еще больше и повѣдае: — Ну, Марцѣнку, що мы зробимо съ тѣмъ Несторомъ? Мы нынѣ черезъ него бѣдны. Вамъ черезъ село черезъ него не вольно перейти.

— И онъ не буде долго ходити, якъ я возьмуся до него.

— Добре кажете, но якъ ся брати, то брати теперь, бо теперь на то наилучшій часъ.

Вже было поздно въ ночи. Ночь была тепла, але хмурна. Мѣсяцѣ не свѣтилъ, то на дворѣ было темно. Вартовникъ ишолъ въ тотъ часъ по-подъ корчму и дивится, що въ корчмѣ еще свѣтятъ. Подойшолъ близше къ окну и видитъ, якъ Марцѣнъ и Гершко сидятъ и щось оба говорятъ, а Марцѣнъ гае подпитый. Заразъ собѣ вартовникъ припомнулъ слова начальника громады и подумалъ: «Теперь треба того Марцѣна добре пильновати, якъ онъ выйде изъ корчмы».

Вартовникъ отойшолъ въ сторону, сталъ собѣ подъ парканомъ и чекае. Наразъ въ корчмѣ свѣтло погасло. За хвилию ктось выйшолъ на задни двери: Гершко, не Гершко, но и не Марцѣнъ. «Що за чортова мара», думае вартовникъ, «знаю добре, що жидъ боится въ ночи наветь на дворъ носа показати; снова Марцѣнъ мае бѣлу полотнянку, а не жидовскій чорный сурдутъ».

А фигура въ чорномъ сурдутѣ не пошла въ село, а поза загороды. Вартовникъ добре придивился и позналъ Марцѣна по ходѣ. Теперь онъ вже не спускалъ его съ ока, а пошолъ въ слѣдъ за нимъ, но такъ осторожно, щобы Марцѣнтъ его не бачилъ. Марцѣнъ сталъ коло войтовой загороды, обдивился доокола, перелѣзъ черезъ частоколь и пойшолъ просто на токъ, где стояли стирты. А вартовникъ собѣ за нимъ. Марцѣнъ вытянулъ щось изъ кишени и зачалъ по стиртѣ кропити. Тутъ вартовникъ вже подошолъ ближе и сталъ Марцѣну за плечами. Марцѣнъ вытянулъ сѣрника и засвѣтитъ, но въ той хвилѣ вартовникъ ударилъ его палкой по рукѣ и не далъ ему зробити огня. Заразъ между стиртами начался крикъ. Несторъ и его челядь посрывалися со сну, прибѣгли между стирты, дивятся, а тамъ двое людей бьются. Несторъ позналъ заразъ Марцѣна и вартовника, влетѣлъ между нихъ, схватилъ того и другого за колнѣрь. Вартовникъ зачалъ обьяснити: — Пане начальнику, я поймалъ Марцѣна, що онъ хотѣлъ ваши стирты запалити, но на счастье, я его ударилъ по рукѣ и выбилъ ему сѣрника.

Несторъ пустилъ вартовника, а Марцѣна взялъ до хаты. Приведи Марцѣна до хаты и дивятся на него, а онъ убранный въ Гершковомъ сурдутѣ. Несторъ сталъ питатися его, чому онъ зайшолъ между стирты. Въ той хвилѣ двери отчинилися, и въ хату войшолъ жандармъ, который якъ разъ ту ночь малъ въ селѣ службу. Несторъ оповѣдъ ему, що приключалося съ Марцѣномъ. Вартовникъ рассказалъ все жандарму, якъ онъ слѣдилъ за Марцѣномъ отъ корчмы ажъ подъ войтовы стирты, где Марцѣнъ задержался, покрошитъ чѣмъ то стирты и зачалъ сѣрникъ свѣтати. Жандармъ закувалъ Марцѣна и пытаеся его: — Чѣмъ ты кропилъ стирты?

— Я не кропилъ совсѣмъ и ничего не знаю, — отвѣтилъ Марцѣнъ.

— Иди со мною, — сказалъ жандармъ и повелъ Марцѣна еъ стиртамъ. За нимъ пошли войтъ, вартоникъ и вся челядь. Заразъ, якъ только пришли на то мѣстце, почули, що тутъ нафтою покроплено. Жандармъ ничего не говорилъ, ино взялъ Марцѣна назадъ до хаты и пыгаеся его: — Ну, а теперь скажи правду, чи ты самъ со своей охоты хотѣлъ запалити стирты пана начальника, чи тебе кто до того намовиль?

— Нѣтъ, мене никто на то не намовлялъ, я самъ то сдѣлалъ, бо я малъ злость на нихъ.

— А чей то жупанъ, що на тобѣ ?

— Менѣ далъ его Гершко, бо казалъ, що мою полотнянку далеко можно зобачити, а чорного жупана въ ночи никто не увидить.

— Добре, Марцѣне, а на що ты стирты еще нафтою поливалъ?

— Бо менѣ Гершко казалъ, що якъ ихъ полити нафтою, то будутъ хутко горѣти и трудно буде погасити-огонь.

— Такъ значитъ, тебе Гершко намовиль до того дѣла, а ты тутъ говорилъ неправду, що тебе никто не намовлялъ.

— Я хотѣлъ спалити начальника еще тогда, якъ мене посадили до арешту и дали пять буковъ, но Гершко казалъ, що лучше зачекати, доки начальникъ не соберуть съ поля. Мене вже злость оставила давно, но днесъ вечеромъ Гершко далъ менѣ горѣлки и пригадалъ менѣ, що маю робити.

Жандармъ списалъ протоколъ и запровадилъ Марцѣна до громадского арешту. Потомъ жандармъ взялъ съ собою войта и разомъ оба пойшли до Гершка. Пришли подъ корчму, и жандармъ запукалъ до окна. Гершко всталъ, засвѣтилъ и, увидѣвши черезъ окно жандарма, отчинилъ двери и впустилъ жандарма и войта до середины.

— Гершку, вчера вечеромъ у тебе былъ Марцѣнъ Кривобокій?

— Нѣтъ, пане фиреръ, я его вже больше якъ мѣсяць не видѣлъ. Я его самъ прогналъ, бо то знаете, якій Марцѣнъ: робити не хоче, ино бы пиль, а не мае, за що. У мене самого работы нѣтъ, бо я самъ бѣдный.

— Я тебе не пытаю, Гершку, чи ты бѣдный... Такъ, ты кажешъ, що Марцѣна у тебе не было, но покажи свой жупанъ.

Якъ жандармъ вспомнугъ слово жупанъ, Гершко мало не упалъ.

— Ну, чи чуешь, Гершку, покажи, где твой жупань!

— Онъ у мене тамъ въ шафѣ, — отвѣтилъ жидъ и открылъ шафу.

Жандармъ подивился и говоритъ: — То есть новый, а я хочу видѣти старый жупанъ, въ которомъ ты ходишь въ будни.

— Прощу пана фирера, я малъ старый жупанъ, но тотъ жупанъ менѣ пропалъ еще тогда, якъ я Марцѣна отогналъ.

— Але ты, Гершку, маешь Марцѣнову полотнянку?

— Маю, пане фиреръ, онъ менѣ продалъ, то я у него купилъ.

— Покажи ту полотнянку.

Гершко принесъ Марцѣнову полотнянку, а жандармъ взялъ до рукъ, оглянулъ и говоритъ: — Ну, теперъ задягай на себе ту полотнянку, идемо до громадской канцеляріи.

Радъ-нерадъ, мусѣль Гершко задягнути Марцѣнову полотнянку и пойти съ жандармомъ и войтомъ до громадской канцеляріи. Добре, що то было въ ночи и никто не видѣлъ его въ новомъ костюмѣ.

Гершка привели до канцеляріи и посадили до громадского арешту, щобы взяти его на допросъ разомъ съ Марцѣномъ.

Рано по цѣломъ селѣ пошла чутка, що Марцѣнъ и Гершко сидягъ въ арештѣ, бо вартовникъ словилъ Марцѣна, що хотѣлъ подпалити войтовы стирты. Люди зачали собиратися коло канцеляріи и оттрожуватися Марцѣну и Гершку. «Та-жъ то бы цѣле село было вигорѣло», говорили люди, «тутъ така посуха, все съ поля собрано, а тотъ нероба пустилъ бы цѣле село съ торбами». Между людьми рздавались вже остры угрозы и крики, щобы съ Гершкомъ и Марцѣномъ покончити тутъ на мѣстцѣ и не водити ихъ по судахъ. Но въ той хвилѣ появился войтъ съ жандармомъ, и люди затихли.

Жандармъ сковалъ Марцѣна и Гершка разомъ и выпровадилъ изъ арешту. Люди дивятся, що то за перемѣна: Марнѣцъ, съ бороною и пейсами, а Гершко подголенный. Несторъ воззвалъ людей, щобы не напастували арештованныхъ, бо они получаютъ свою заплату отъ судовыхъ властей, «Мы теперъ освободилися отъ нашихъ вороговъ», говорилъ войтъ, «и треба лишъ подяковати нашому вартовнику, що онъ допильновалъ Марцѣна такъ, якъ я ему говорилъ». Люди заразъ между собою врадили, що каждый долженъ дати тому вартовнику найменше по десяти сноповъ. Тогда забралъ слово Несторъ и сказалъ, щобы не

забывати о другомъ вартовнику, бо они оба пильновалп Марцѣна. Такъ люди рѣшили, щобы то самое дати и другому вартовнику.

Жандармъ не держалъ долго Марцѣна и Гершка, а повезъ ихъ просто до мѣста. На другій тыждень пришло изъ суду повѣдомленіе, щобы Несторъ и вартовникъ явились на росправу въ судѣ. На росправѣ Марцѣнъ всю вину свалювалъ на Гершка, а Гершко снова на Марцѣна. Вартовникъ рассказалъ передъ судомъ все, якимъ, способомъ выслѣдилъ Марцѣна и якъ его словилъ при стиртахъ.

Судья выслухалъ еще жандарма и войта и присудил, Гершка на десять лѣтъ тюрьмы, а Марцѣна на пять. Гершко сомлѣлъ въ судѣ, якъ почувъ приговоръ, но то ему не помогло. Сторожъ его отратовалъ водою и поправадилъ до тюрьмы.

Въ селѣ, якъ люди довѣдалися, що Марцѣнъ и Гершко заперты на долги роки, настала велика радость. Одинъ другому говорилъ, що теперь село буде мати покой, и не треба бояться, щобы кто не пустилъ людей съ дымомъ. Въ корчмѣ Гершкова Сура не переставала плакати и проклинати Нестора, но то не помогло. На другій тыждень Сура забрала дѣтей и всѣ свои пожитки и отѣхала до своего тата до мѣста. Корчма опустѣла.

III

На слѣдующу недѣлю люди зачали выходить изъ церкви и чуютъ, якъ полщай тарабанить по тарабанѣ. Всѣ съ цѣкавостью собралис коло него, щобы почути, що нового. Полищай пересталъ тарабанити и до людей повѣдае: «Нинька по обѣдѣ абы всѣ люди, цѣла громада на другу годину пришли до канцеляріи, бо намъ начальникъ, мають щось нового повѣдати. И то абы каждый пришолъ, бо якъ бы кто не пришолъ, то заплатитъ кару».

— Що то нового буде ? — спрощували одни друтихъ.

— Пойдемо, послухаемо, що тамъ будутъ преповѣдати.

— А може то справа съ Гершкомъ не закончена...

Щей другой години не было, а народу полно въ канцеляріи и на дворѣ, бо изъ цѣлого села пришли, такъ якъ каждый хоче знати, що то есть и чому начальникъ всю громаду скликуе.

На означенный часъ пришолъ и начальникъ. Подивилс, що всѣ тутъ, и проговорилъ: «Добре, що сте всѣ пришли. Нынѣ маемо щось доброго урадити... але насъ тутъ, есть досыть много, то трудно намъ въ канцеляріи помѣститися. Я предлагаю, щобы мы отбыли наше собраніе на дворѣ».

Коло громадского дому было досыть велике подворье и на немъ розмѣстились люди. Тогда начальникъ сталъ говорити до людей такъ:

«Почтенна громадо, я нынька васъ всѣхъ тутъ згромадилъ, щобы мы собѣ поговорили о добромъ дѣлѣ. А то дѣло намъ каждому дуже потрѣбне, чи старому, чи молодому, но найбольше нашимъ дѣтямъ. Якъ видите, бо сами стеся переконали, що намъ теперь, т. е. цѣлой громадѣ, лучше поводится, якъ было перше. Вже намъ передновокъ не есть такій страшный. Теперь каждый мае хлѣба подостаткомъ. Маемо свой громадскій шпихлѣрь, а въ немъ полно есть збожа, и маемо свой громадскій склепъ, где каждый таньше купить добрый товаръ. Подивѣтся на ту корчму, она вже пуста стоитъ. Но якъ бы вы до ней ходили, то нынѣ вже не одинъ изъ васъ даже доброй рубашки не малъ бы на собѣ. Я знаю, не одинъ неразъ и заклѣлъ менѣ, що забороняю до корчмы ходити, но вы моей рады послухали и нынѣ вы газдами zostали, а корчма пустою стоитъ. Ту корчму я бы радилъ нашей громадѣ откупити. Та корчма и тотъ пляцъ есть дѣдичовъ изъ другого села. Не такъ я маю охоту на корчму, якъ на тотъ пляцъ, бо то по серединѣ села. Тутъ стоитъ недалеко громадска канцелярїя, а тамъ трошка дальше громадскій шпихлѣрь, а тутъ церковь и коло церкви школа, а за школою громадскій склепъ. То все тримається по-при купѣ. Но еще бы намъ треба того пляцу, що на немъ стоитъ та проклята корчма. А чи знаете, на що намъ, громадѣ, того пляцу потребно? Вотъ я хочу о томъ вамъ разсказати, бо на то я васъ сюда скликалъ. Намъ того пляцу потрѣбно, бо намъ треба еще дому науки, а такій домъ называется читальня. До такой читальни ходять стары и молоды, якъ тій, що умѣють читати, такъ и тій, жокъ и газетъ, бо изъ газетъ всего можно ся довѣдати, що ся въ свѣтѣ творить, бо нынѣ наука людямъ очи отворила, якъ народъ мае жити, якъ пощо не умѣють. До такой читальни спровадити всякихъ поучающихъ кнїступати. Незадолго зима приде, а въ зимѣ вечеры долги, дома ся наскучить сидѣти дурно, а якъ бы мы мали такій домъ, читальню, то бы было где ся посходити и щось нового прочитати и порадитися.

— То купуймо, купуймо! — крикнула вся громада. — Еще на зиму будемо мати свою читальню.

Изъ господарей выступилъ одинъ старый присяжный и сказалъ: «Вы, господинъ начальникъ, купуйте, що буде коштувати, тотъ пляцъ и ту корчму. Мы гроши сложимо за одинъ день, бо мы теперь, Богу дяковати, при грошахъ.

— То я завтра поѣду до того дѣдича, — сказалъ Несторъ: — може онъ еще не схоче продати, а мы вже гроши хочемо складати. Я попытаю его, а вы на другу недѣлю щобы сте ся также тутъ собрали, то вже будемо знати, що маемо съ тѣмъ дѣломъ робити.

На другій день Несторъ поѣхалъ до дѣдича на друге село. Пріѣхалъ на фольварокъ и пытаеся эконома, чи дѣдичъ дома.

— А на що вамъ пана дѣдича? — отвѣчае экономъ.

— Я маю до пана дѣдича просьбу, я бы хотѣлъ съ ними говорити.

— Добре, я пойду и спытаю, чи они хотять съ вами говорити.

Дѣдичъ согласился принята начальника и казалъ эконому закликати

его до дѣрчовой канцеляріи. Самъ дѣдичъ пошолъ напередъ до канцеляріи, сѣлъ при столику и пріоткрылъ шуфляду, въ которой держалъ револьверъ.

Несторъ файно дѣдича привиталъ. Дѣдичъ вѣжливо кивнулъ головой и сказалъ:
— Прошу сѣдати, пане начальникъ!

Несторъ подяковалъ за привитанье и сѣлъ на кресло.

— Щожъ коло васъ нового чувати, пане начальникъ? — спытался дѣдичъ.

— Богу дяковати, все теперъ добре, ино послѣдними часами въ нашемъ селѣ было троха нового...

— Такой добре нового, бо якъ чую, то вы Гершка, арендаря изъ моей корчмы, засадили до арешту, а его жену и дѣтей выгнали изъ села.

— Я его не засадилъ, прошу пана дѣдича, ино судъ его засадилъ, бо тотъ Гершко хотѣлъ мою хату спалити, але ему то не удалось, бо вартовникъ заляпалъ.

— Та прецѣнь не Гершка, а Марцѣна заляпалъ.

— Такъ Марцѣна, але Марцѣнь все то дѣлалъ съ Гершковой намовы. Теперъ посуха, люди все съ поля позвозили, що могло бы цѣле село выгорѣти и народъ остался бы въ страшной бѣдѣ.

— То народъ бы наново побудовался, еще красшіи будынки бы выстроили собѣ люди, якъ теперъ мають, бо то все старой моды. А такъ черезъ васъ Гершко въ арештѣ, а жена его ажъ въ Краковѣ. Знаете вы, пане начальникъ, що черезъ таку роботу я маю велику страту. Перше Гершко бралъ горѣлки за пару тысячъ рочно изъ моей горальни, а за послѣдній рокъ не набралъ ани на сотку. Такъ я при томъ въ великой утратѣ.

— То панъ дѣдичъ, якъ на томъ стратили, то на другомъ заробять, а народъ, якъ му ся вродить на полю, а черезъ зиму пропье, то цѣле лѣто мусить чекати о

голодѣ и такъ робити, бо хлѣба не мае. То все черезъ ту пѣятику така нужда въ нашемъ краю, бо пѣтика до доброго не приводитъ, ино до зла. Отколи люди перестали пити, то стали газдами, въ нихъ есть и статокъ, и стирты, и покой въ громадѣ. Мы, пане дѣдичъ, такъ урадили въ громадѣ, що никто не буде больше пити, до корчмы не будетъ ходити и жида до села не припустятъ.

Дѣдичъ, якъ то почувль, ажъ ся затрясь: — Слушайте-но, пане начальникъ, корчма моя и кого я схочу, того я пущу до ней.

— Можете пускати, ино не жида.

— А якъ я жида пущу, то що менѣ громада зробитъ?

— Вамъ ничего громада не може зробити, ни вы громадѣ, бо вы есть паномъ на своихъ добрахъ, а мы тоже панами при своихъ добрахъ и въ своей громадѣ.

— Якъ я вижу, то вы, пане начальникъ, дуже зарозумѣло починаете говорити и вы хочете цѣлу громаду поставити на добрыхъ мужиковъ.

— Такъ, пане дѣдичъ, я люблю, якъ менѣ есть добре, щобы было и каждому добре.

— Дуже красно говорите, но чи знаете то, що нынѣ не варто хлопиви показати науки, нынѣ каждый за себе дбае, абы ему было добре. Коли дасте хлопиви науку, то намъ не може быти добре, бо хлопывы зачнутъ упоминатися заразы о большу платню и не захотятъ робити отъ сходу до заходу солнца, а на години. Тогда конецъ панскому житю. Вы, пане начальникъ, мудрый и образованный человекъ, но вы ту свою науку повинны про себе держати, то вамъ буде добре. Простымъ хлопамъ выстарчить небо указывати по смерти, бо лишь такъ можно зробити для насъ небо на землѣ.

Несторъ набралъ большей смѣлости и отвѣтилъ: — Пане дѣдичъ, Богъ такъ не казалъ робити, ино даль намъ заповѣдь, щобы любити ближняго, якъ самого себе.

— То ту заповѣдь мы держимо, но люди дѣлятся на классы и такъ повинны ся любити: панъ най любить пана, богачъ — богача, а бедный най собѣ любить бѣдного. Всѣ не могутъ быти одинаковы.

Тѣ слова выговорилъ дѣдичъ вже сердито, а потомъ додалъ: — Я нынѣ не маю часу о такихъ справахъ съ вами говорити, ино скажѣтъ менѣ, чого вы хотѣли отъ мене, що вы сюда пришли?

— Мене моя громада послала, бо мы вчера мали нараду и цѣла громада ухвалила, що наша громада хоче купити вашу корчму.

— А на що вамъ корчмы, якъ въ, селѣ никто горѣлки не пье?

— То за то, що горѣлки никто не пье, мы хочемо корчму купити и открыта въ ней читальню — домъ науки.

— О, домъ науки? То вы серьезно беретесь до дѣла... Но якъ хотите, то я вамъ могу продати — дайте двѣ тысячи ринскихъ.

— То за що, прошу пана дѣдича: корчма стара, пять сотъ замного.

— Я не прошу васъ, щобы вы куповали, разъ вамъ задорого.

Съ тѣмъ Несторъ вернулся домой. На другу недѣлю снова вся громада собралася до канцеляріи. Несторъ расповѣлъ громадѣ, що дѣдичъ ему наговорилъ и що за корчму хоче двѣ тысячи ринскихъ.

— Якъ такъ, то най собѣ ту корчму дѣдичъ тримае до судного дня, — отозвался одинъ изъ господарей, старый Данило. — За двѣ тысячи то мы не такій домъ побудуемо. Съ корчмы бы даже не подобало такій домъ науки мати, треба все переробляти, що бы больше коштувало, якъ новый домъ поставити. Якъ вы знаете, громадо, у мене есть досыть пляцу коло моего обійстья, то я кавалокъ пляцу отпушу на читальню, а менѣ громада дасть кавалокъ громадского, що припирае до моего поля, — и будемо мати спокой. Намъ не треба съ ляхомъ заходити, бо ляхови, жидови и псови, то я имъ не вѣрю, бо они коло людей съ легонька, якъ той песь: туп, ся коло тебе лестить, а тутъ вже и вкуснлѣ. Такъ каждый ляхъ и жидъ робить съ нашимъ народомъ: тутъ нѣбы въ очи свѣтитъ, а бокомъ душу дре.

На тѣ слова всѣ закричали, що добре. Громада мала велике пасовиско, где было больше, якъ двѣсти морговъ. То все было громадске, ино за селомъ вздовжъ попри рѣку, а по другомъ бокѣ рѣки то вже было дѣдичово. Попередно съ того пасовиска громада мала дуже мало корысти, бо никто за него не дбалъ. Приде божа весна, то худоба и гуси по всемъ пасовиску ходять, все затолочуть, и такъ съ него ніякой пользы. Отколи Несторъ насталь войтомъ, онъ запровадилъ инакшій порядокъ: онъ подѣлилъ, где мають пасти гусей, а где худобу. Решту, що осталось, запустили на сѣно. Придутъ сѣнокосы, вся громада иде косити, чи мае худобу, чи нѣнѣ. Приде сѣно возити, то каждому одинаково придѣлятъ. Правда, съ початку были протесты противъ того порядку, бо богачи говорили, що тѣмъ людямъ сѣна съ громадского не треба, у кого нѣтъ худобы. Но Несторъ настоялъ на томъ, що разъ поле громадске, то всѣ громадяне повинны съ него достати свою частину, а у кого нѣтъ худобы, то може собѣ сѣно продати, или замѣнити на пашню.

Еще того дня было рѣшено отмѣрити кавалокъ пляцу подѣ читальню и приступити до работы. По предложенію Нестора, громада согласилась, щобы

на народный домъ складати не отъ номера, а отъ поля. У кого больше поля, тотъ мае больше дати.

Несторъ подяковалъ сердечно всѣмъ газдамъ за то, що приняли его иредложеніе и сказалъ такъ: — А теперъ намъ треба назначити, коли маемо давати тѣ гроши. Я бы-мъ казалъ: до тыждня щобы сложили, которы мають, а которы не мають, то позднѣйше. А завтра згодимо майстра и будемо братися до роботы. Маемо свой лѣсъ, тамъ есть скала, и будемо камень лупати на фундаменты и возити. Которы мають кони, то мають возити камень, а которы не мають, то мають иди камень лупати и фундаментъ копати. Который съ худобой, то мае одинъ день робити, а который безъ худобы, то два дни, нѣбы даромъ, а за решта то ся буде платити.

На другій тыждень распочалася работа. Одни пошли камень лупати, другій фундаментъ копають, третій вже камень зачали звозити, и работа йде хутко. Муляры вже фундаментъ вымуровали, а мастера зачали вже домъ будовати на фундаментѣ. За три недѣли вже затыкали и поставили квѣтку на даху. Вся громада собралася коло нового будынку, — хотя еще не доконченный, але вже, якъ то кажутъ, стоить на ногахъ. Народъ веселый, тѣшится, даже старики тѣшатся и одинъ другому говоритъ: «А будете, куме, видѣти, я еще ся научу читати, хотя на старость». А другій снова отвѣчае: «Или вы мыслите, що я не научуся. Я также хочу умирати грамотнымъ, бо, знаете, кто умѣе читати, то ему легче и до неба достатися, бо мои дѣдуньо все повѣдали, що передъ Богомъ треба рахунокъ сдавати. А якъ можешь сдати рахунокъ, коли не умѣешь читати ни писати и не можешь собѣ записати, що треба, а запомнати всего не можно? Научу ся читати и писати и буду мати меньше згрызоты съ тѣмъ рахункомъ, а и св. Петро, що до неба пускае».

Такъ люди веселятся одни съ другими и розмовляють, що неодога будутъ мати свой народный домъ и свою читальню.

Неожиданно, якъ такъ люди говорятъ, надійшла страшна хмара. Зачало гремѣти и блискати, що ажъ страшно. Наразь якъ загремитъ, то ажъ люди задрожали, бо громъ ударилъ недалеко. Дивятся, а корчма вже горить, бо громъ ударилъ въ корчму. Якъ была цѣла громада, такъ никто не пойшолъ корчмы ратовати, но каждый сказалъ: «Най горить, видйо самъ Богъ хоче спрятати изъ села ту прокляту корчму». Ино докбла господарскихъ будынковъ поставали, щобы где нибудь огню не кинуло. Але вѣтру не было, то корчма горѣла, ажъ гудѣло. Всѣмъ прививалось, що тамъ пекло, бо такъ было, якъ бы въ томъ огнѣ чорты бѣгали и ругались между собою.

Корчма чисто погорѣла, ино ся яма лишила, где стояла корчма. На другій день войтъ послать присяжного до дѣдича, щобы ту яму засыпалъ, абы чія худоба не упала въ ту яму, бо то бы была дѣдичова вина и онъ мусѣлъ бы платити шкоду.

На другій день присяжний пошель до дѣдича, росповѣль, що малъ отъ начальника приказано. Дѣлитъ выслухалъ и присяжному сказалъ: «Скажи пану начальникови, щобы завтра пришолъ до мене». Присяжний подяковалъ и пойшолъ домой.

Приходить присяжний до Нестора и говоритъ: — Панъ дѣдичъ казали, щобы вы пришли завтра до нихъ: Несторъ ино ся засмѣялъ и отновѣль: «Та панови дѣдичови така сама дорога до мене, якъ и менѣ до него. Я вже у него былъ, коли менѣ было потребно, а якъ чого дѣдичъ потребуе, то най приде до мене. Онъ знае, где я жию, а якъ не знае, то най ся допытае».

Такъ переказалъ Несторъ до дѣдича. Дѣдичъ якъ то почувъ, ажъ зубами заскреготалъ въ злости, но въ душѣ подумалъ собѣ: «Съ тѣмъ хлопомъ ничего теперь не подѣлаю, бо его ничѣмъ не настрашишь, но я маю способъ, якъ ихъ всѣхъ, цѣлу громаду, научити розуму. Я имъ еще покажу, що не такъ легко тягаться съ паномъ, якъ они собѣ думаютъ. Я имъ покажу, якій панскіи параграфы, а якій хлопскіи».

Еще того дня приказалъ дѣдичъ своему кучерови зрыхтовати бричку, щобы поѣхати на друге село подивитися на корчму, що погорѣла. Пріѣхалъ дѣдичъ коло корчмы и не видитъ ничего, ино яму, где корчма стояла, бо все завалилось въ пивницю. Дѣдичъ приказалъ кучерови, щобы заѣхалъ къ громадской канцеляріи. Коли дѣдичъ войшолъ до громадской канцеляріи, то засталъ тамъ Нестора и радныхъ, якъ раховали громадскіи выдатки на новыи домъ.

Несторъ и радны привитали дѣдича. Дѣдичъ отклонился, сѣлъ собѣ на крѣсло и зачалъ повѣдати: — Я переказувалъ прислжнымъ, щобы панъ начальникъ пришли до мене, але я получилъ отповѣдь отъ начальника, що если чого потребую, то могу придти самъ до начальника.

— Властиво, що такъ есть и такъ мае быти, — отвѣтилъ Несторъ. — Явѣ що менѣ было потребно, то я ходилъ до пана дѣдича, а що панови дѣдичови потребно, то мае те придти до мене.

— Дуже красно, пане начальникъ, я за то не гнѣваюся. Я тому пришолъ до васъ, що вы менѣ попередно говорили, що громада хоче купити мою корчму. Якъ видите, корчма погорѣла, то теперь я готовъ продати громадѣ тотъ пляць, где стояла корчма.

— То вже запозро, бо мы вже незадолго закончимо тотъ домъ и насъ не буде столько коштувати, сколько вы хотѣли за корчму. Пляць намъ отступилъ Данило Запоточный, а громада зато дастъ ему кавалокъ съ громадского пасовиска. Такъ мы ся погодили и всѣ задоволены, а вашого пляцу громадѣ не

потребно, ино собѣ ту яму маєте засыпати или обгородити, щобы-сте потомъ не мали съ громадою якої нибудь непотребной чепанины.

Дѣдичъ злобно усмехнулся и сказалъ: — Еще колись громада буде просити мене за тотъ пляцъ, и я вамъ тогда тоже скажу, що вже запоздно.

И съ тѣмъ отѣхалъ дѣдичъ домой спокойно.

IV

А коло громадского дому работа робится, бо вся громада помагае. Люди довозять, чоґо потребно, а майстры приготавлиють и кладуть на свое мѣсто. На самы Покровы майстры отдали ключъ отъ готового дома. Домъ былъ великій, що близко того села и не было видно подобного, ино въ мѣстѣ. Въ домѣ были четыре великіи комнаты: одна комната на представленія, якій будутъ въ селѣ отграватися, друга на читальню, третья на клубъ для куренья, а четверта для малыхъ дѣтей, щобы мали где бавитися.

Въ недѣлю священникъ выголосилъ въ церкви людемъ, щобы всѣ собралися на другу недѣлю на посвященіе нового дома, и сказалъ, що заразъ по Службѣ пойдуть съ процессіей изъ церкви къ дому.

Пришла та свята недѣленька, и людей полна церковь, що и помѣститися не могутъ въ серединѣ. По Службѣ всѣ люди вышли изъ церкви съ процессіей и зачали спѣвати въ походѣ «Пречистая Дѣво Мати». Народу полно всюда, бо цѣле село собралося, а еще изъ другихъ селъ поприходили и попріѣзжали подивитися на тое велике торжество.

Домъ былъ чудно украшенъ. Молоды хлопцѣ и дѣвчата въ субботу вечеромъ долго трудилися, щобы домъ украсити цвѣтами и лентами. Потомъ выробили изъ цвѣтовъ великіи литеры: «Домъ имени Михаила Качков-ского».

Священникъ посвятилъ домъ и сказалъ до людей проповѣдь, въ которой объяснилъ значеніе того Народного Дома: «Нашъ народъ длятого такій бѣднй и несчастнй, що не мае науки. Его каждый ошукае, чи то на ярмаркѣ, чи где-нибудь при другомъ случаѣ. Нашъ народъ каждому легко повѣритъ, каждому дастъ себе обманути, бо мыслить, що то правда, если до него файно и лестно проговорить. Книжокъ наши люди не читають, бо не умѣють, а о газетѣ многіи и не чули въ своемъ житыю. Отнынѣ той домъ, та читальня Михаила Качковского вамъ очи отворить, ино всѣ ходѣтъ до той читальни, якъ молоды, такъ и стары. Въ томъ домѣ будете всѣ учитися и тогда переконаетесь сами, що наука приведе васъ до лучшей доли».

По проповѣди священника зачалася забава. Господи, чоґо тамъ не было. Якъ зачали господини сносити печены гуси, куры, качки и наветъ индиновъ, бо

кажда хотѣла показатися передъ другими, то скоро столы были заполнены всякимъ яствіемъ. Даже на дворѣ уставлено столы, накрыты скатертями и всякими печенями и бѣлымъ хлѣбомъ. Всѣ ѣдятъ, одинъ другого припрошуе, одинъ другого цѣлуе, одинъ другому добра жалае. Горѣлки нѣтъ, то каждый тверезый и при доброй памяти забавляется файно и спокойно.

Но забавѣ люди зачали вже расходитися. Несторъ задержалъ людей и попросилъ ихъ, щобы собралися всѣ на другу недѣлю въ томъ домѣ, бо буде собраніе для выбора старшины той читальни.

На другу недѣлю собралися всѣ люди, бо каждый цѣкавый знати, якъ то будутъ выбирати ту старшину. Еще такого въ селѣ не было, щобы люди выбирали яку нибудь другу старшину, кромѣ начальника громады и радныхъ. Несторъ расповѣлъ людямъ, якъ то дѣло повинно быти сдѣлано: «Насампередъ намъ треба выбрати предсѣдателя, то значитъ, що онъ буде якъ бы старша голова той читальни, а другого намъ треба выбрати писаря, щобы все записовалъ до книгъ, а третого треба кассира, щобы трималъ гроши, якіи будутъ приходити до читальни. Мы тутъ сами собѣ ухвалимо, по сколько будемо давати що мѣсяца на читальню».

Всѣ люди крикнули, що не треба выбирати предсѣдателя, бо Несторъ есть начальшкомъ громады, то най буде и старшиной читальни, такъ само не треба выбирати ни писаря ни кассира, бо суть громадскіи. Несторъ людямъ снова объяснилъ, що громадское належить до цѣлой громады, а читальня то иначе, бо то належить лишъ до членовъ читальни. «Я даю таку раду», говорилъ дальше Несторъ, «щобы за старшину читальни выбрати кого нибудь изъ молодыхъ, кто знае читати и писати, бо до такой работы наилучше пасуе молодому».

Такъ выбрано старшину читальни, писаря и кассира, якъ радилъ Несторъ. Заразъ ухвалили написати по книжки до Львова. На другій тыждень отбылося открытіе читальни и съ той поры що вечера въ читальнѣ собираются люди изъ цѣлого села и дуже пріятно проводятъ свой часъ. Газды и молоды, которы умѣють читати, читають на голосъ, а тѣ, що не умѣють, слушають.

Такъ минула зима и пришла Божя весна. Снѣги ся стопили, соненько освѣтило своими ясными лучами всю землячку и обогрѣло ее отъ долгихъ холодовъ, жайворонокъ защebetалъ и вся природа ожила. Нема на свѣтѣ ничего красшого, якъ Божя весна. И наши газды зачали братися до работы до святой землячки, бо каждый мае все приготовлено до весняныхъ работъ. каждый хоче що, то нового показати, бо зимою въ читальнѣ богато всѣ довѣдалися изъ книжокъ якъ коло грунту треба робити, якъ и що сѣяти и садити, щобы человекъ малъ больше корысти и пожитку. Каждый переконался, що наура веде зо лѣпшого добробыту. Но якъ то кажуть люди, лихо не спита, ино помежи людей ходить. Такъ и въ той громадѣ стался новый клопотъ, которого

никто не ожидалъ. Одною дня повертаются газды вечеромъ съ поля и дивятся, коло громадского пасовиска вже повбиваны въ землю колики vzdolжъ по-при дорогу и написано, що никому изъ села не вольно пускати худобу на пасовиско, бо то не есть громадске, ино панске. По цѣломъ селѣ якъ бы громъ ударилъ. Стары повѣдаютъ, що отколи запамятали, то щей ихъ дѣды и прадѣды говорили, що то громадске пасовиско. Що то ся стало, що теперъ дѣдичъ бере то пасовиско?

Люди идутъ до Нестора и пытаются, що то все значитъ, на що дѣдичъ повбивалъ колики и громадѣ заперечилъ права пускати на пасовиско худобу. Несторъ, выслушавши, що ся стало, сказалъ: «Я даю приказъ цѣлой громадѣ тѣ колики повытягати и перекинута ему за рѣку, бо дѣдичъ не мае ніякого права до громадского. Я за то самъ отповѣмъ, а якъ що буде треба, то абы громада была готова робити, що я прикажу, абы всѣ мы разомъ робили, бо тутъ есть щось несправедливо».

Люди всѣ колики перекинули на другу сторону, на дѣдичову. На другой день дѣдичъ якъ ся довѣдалъ, що громада повытягала колики, бо начальникъ такій далъ, приказъ, заскаржилъ заразы Нестора до суду. За пару дней пришло Несторови позванье, щобы ставился до суду на росправу. На означенный день Несторъ пошолъ пѣшкомъ до мѣста и явился въ судѣ. Началася росправа. Судья началъ читати скаргу дѣдича. Говорилося тамъ, що панъ дѣдичъ обграницилъ свои добра и свое пасовиско. Уже минуло 10 лѣтъ, якъ панъ дѣдичъ откупилъ отъ громады тое пасовиско, але панъ дѣдичъ былъ добрый для своихъ людей и позволялъ имъ пускати худобу на пасовиско, но теперъ отбнрае то пасовиско и хоче присоединити его до своего поля. Где были вбиты колики, мае идти нова рѣка. Панъ начальникъ приказалъ громадѣ колики съ дѣдичовой земли повытягати и перекинути на другу сторону. Громада такъ сдѣлала. Своимъ поступкомъ панъ начальникъ нарушилъ право власности дѣдича.

Несторъ якъ то почувъ, ажъ ся стрясъ, но не сгратилъ своей отваги и повѣдае до судьи: «Прошу, пане судья, то не есть по справедливости, бо наша громада пасовиска не спрдала и никто не подписувался на то. Панъ дѣдичъ говоритъ ложь».

Тутъ дѣдичъ вытягъ папѣръ, показалъ Несторови и сказалъ: «А вотъ дивѣтся, пане начальнику тутъ есть подписанный цѣлый громадскій урядъ, начальникъ громады и печать громадска».

Несторъ хотѣлъ прочитати, якій то были тамъ пописаны урядники, але дѣдичъ сховалъ, ино Несторъ печатку позналъ, що то была громадска, а якъ она на тотъ папѣръ зайшла, самъ себѣ не вѣрилъ.

Обернувшись до судьи Несторъ сказалъ: «Прошу, пане судья, я ніякого параграфа не нарушилъ, бо пасовиско есть громадске и такъ записано всюда на мапахъ, а тотъ пайѣръ, що панъ дѣдичг показуе, то я не вѣрю, щобы громадскій урядъ спродалъ безъ вѣдома цѣлой громады, бо самъ урядъ громадскій не мае права то робити. Я прошу назначити другій терминъ, щобы я могъ скликати всѣхъ начальниковъ, якіи были попередно, и всѣхъ радныхъ, они еще жиють, то тогда можно буде познати, кто тутъ правъ».

Судья приклонился къ заявленію Нестора и заявилъ, що выдасть новый терминъ.

Надъ вечеромъ прішоль Несторъ домой. Всѣ чекали, що ся стало на росвравѣ, и робота никого не бралася, бо всѣ ожидали прихода Нестора. Коли Несторъ вступилъ до хаты, то засталъ тамъ полно газдовъ. Онъ привитался со всѣми и сказалъ имъ: «Наше пасовиско запродане дѣдичови вже десять лѣтъ минуло, бо дѣдичъ мае паперы съ громадской печаткой, що ему громадскій урядъ подписался. Я печатку видѣлъ, но кто тамъ, подписанный, я не могъ побачити, бо дѣдичъ не показалъ».

Сильно взбурились люди въ хатѣ и начали кричати: «Десять лѣтъ тому назадъ былъ за войта Никола Сапутъ, то видно, онъ запродалъ наше пасовиско дѣдичови. Мы его забъемо, якъ собаку, такого зрадника, онъ насъ обѣдилъ и нашу худѣбку».

— Будьте спокойны — сказалъ Несторъ: — я то все вывѣдаю и переконаюся, кто тутъ насъ зрадилъ. Може часами Николай даже ничего о томъ не знае, бо то человекъ неграмотный. Часами могъ Николай печатку прибити, а не зналъ на що. Будьте лишь спокойны, то помалу вся правда выйде наверхъ.

Всѣ послушали рады Нестора, бо его любили и слухали. На другій день вечеромъ Несторъ приказалъ закликати до канцеляріи газду, который былъ попередно за войта и тѣхъ всѣхъ, що были съ нимъ урядниками. Всѣ походилися до канцеляріи. Тогда Несторъ обернулся до того, що былъ войтомъ, и спросилъ: — Слушайте, Василій, вы были въ нашей громадѣ осемь лѣтъ за войта, чи вы за тотъ часъ не мали съ нашимъ дѣдичомъ якого розговору о пасовиско?

— Я щиро присягну передъ цѣлой громадой и передъ Богомъ, що съ дѣдичомъ я не лишъ не говорилъ за пасовиско, но и наветъ близко съ нимъ николи не былъ. Видѣти его видѣлъ-емъ, но близко него николи не былъ и печатки никому не давалъ. Я печатку все трималъ под замкомъ.

— Дуже добре, — отповѣлъ на то Несторъ. — Теперъ всѣ ся подпишите и, якъ колись приде завозванье изъ суда, то абы-сьте каждый были до того

приготовлены, бо теперь справа велика, а мы маемо за свое добро постояти, бо якъ не постоимо, то дѣдичъ возьме наше пасовиско.

— Та мы всѣ за то стоимо, хотя би и на бой пришло чи до арешту, то мы всѣ идемо, намъ арештъ не страшный, але своего не дамо.

— Добре, можете теперь идти домой.

На другій день вечеромъ снова Несторъ приказалъ присяжному прикликати того, що былъ за войта передъ Василиемъ, и всѣхъ радныхъ, що были разомъ съ нимъ. Такъ само и до нихъ звернулся Несторъ и спросилъ: — Слушайте-но, Николай, якъ вы были за войта въ нашей громадѣ, чи не мали вы коли якої нибудь розмовы съ нашимъ дѣдичомъ.

— Николи а николи я не былъ съ нимъ на розмовѣ, но одного разу мы пришли до хаты полудновати, бо тогда майстры у мене будовали шопу на возы, и сѣли мы до стола, ажъ тутъ дивимося — заѣхала передъ мою хату карета, а въ каретѣ нашъ дѣдичъ. Дивимося, а дѣдичъ вже и до хаты нришолъ. Мы его привитали, я ему подалъ столецъ, щобы сѣлъ, онъ собѣ сѣлъ и вытягае паперъ, якъ бы якої контрактъ и до мене повѣдае: «Пане начальникъ, то письмо пришло до мене изъ староства, що я маю ся под-писати и вы маєте прибити печатку громадску». Я пытаюся, що то такого, що я маю подписоватися и еще печатку громадску прибивати. Дѣдичъ отвѣтилъ: «Той паперъ пришолъ отъ староства, чи я позволю въ своей рѣкѣ людямъ конопли мочити, то я позволяю, а вы, якъ начальникъ громады, маєте подписатися, що ваше село належить до мене». Я собѣ подумадъ: «Вотъ нашъ дѣдичъ добрый, що людямъ позволяе конопли въ своей рѣкѣ мочити». Такъ на томъ я зробилъ крестикъ и прибилъ печатку, бо сами знаете, що читати ни писати не вмѣю — перше люде не были такъ учены, якъ нынѣ. На тое я маю два свѣдки — тѣ майстры, що будовали шопу у мене.

— А знаете, якъ называются тѣ майстры? — спросилъ Несторъ.

— Почему бы нѣтъ, та то съ другого села: одинъ Иванъ Точило, а другій Стефанъ Корба. Они еще жиюгъ.

Несторъ записалъ собѣ ихъ имена и повѣдае: «Теперь вже нема ничего страшного для громады. Я вынайшолъ, що то дѣдичъ фальшиво собѣ зробилъ контрактъ. Якъ прійде колись терминъ идти до суда, то абы-сьте всѣ, якъ одинъ, были приготовлены.

— Мы всегда готовы, пане начальникъ! — отповѣли газды и пошли домой.

Несторъ вже спокойнѣйше отдохнулъ, бо вже мае, чѣмъ представитися передъ судомъ, якъ его покличутъ на терминъ. Въ сами жнива, що найбільше работы въ полѣ, приходитъ изъ суда возванье ставитися на терминъ. Дѣдичъ такъ

нарочно постарался сдѣлать, щобы терминъ припалъ на такую пору, бо думалъ, що никто работы въ полѣ не покине и на терминъ изъ громады никто не прійде.

Але не такъ ся стало, якъ дѣдичъ обчислилъ. Несторъ, якъ досталъ возванье ставитися на терминъ, заразъ приказалъ, абы всѣ были на той день собраны и щобы закликати тѣхъ двухъ майстровъ изъ другого села. Всѣ мали собратися въ означенный день коло канцелярїи, откуда разомъ поѣдутъ на судъ. Пришолъ тотъ день, Несторъ приходитъ до канцелярїи, дивится, а тутъ столько фѣръ и столько людей, якъ бы які й ярмарокъ. Были всѣ : и тѣ, що были войтами, и тѣ, що были радными, а и оба майстры изъ другого села.

Пріѣхали передъ судъ. Тутъ Несторъ подѣлилъ всѣхъ на кляссы: перша клясса — Несторъ самъ и всѣ радны, що съ нимъ были въ урядѣ; друга клясса — топ, господарь, що былъ войтомъ передъ Несторомъ, и его радны; третья клясса — то вже тотъ третій войтъ и его радны. На счастье всѣ были въ живыхъ и до суду пришли такъ, якъ колись были въ урядѣ. Якъ вошли до суду, то саля была наполнена народомъ. Дѣдичъ, якъ побачилъ столько хлоповъ, то ажъ ему волосье стало на головѣ, бо самъ не зналъ, чого они всѣ пришли.

Зачалася росправа. Судья сказалъ, щобы дѣдичъ подалъ ему тотъ контрактъ, на которомъ громадскій урядъ подписался. Дѣдичъ подалъ свой паперъ, но несмѣло, и видно было, якъ руки ему тряслися. Судья звернулся до людей и сказалъ, що найперше буде росправа того начальника, который есть теперъ въ урядѣ.

Напередъ выступилъ Несторъ и тѣ радны, що были въ урядѣ разомъ съ нимъ.

Судья звернулся до дѣдича и, показуючи на людей, спросилъ: «Тотъ начальышкъ и тѣ радны продали вамъ громадске пасовиско?»

— Нѣтъ, не тѣ, — отвѣтилъ дѣдичъ.

Судья приказалъ имъ отстутити въ сторону, а напередъ вызвалъ тѣхъ, що были въ урядѣ передъ Несторомъ, и снова спытался дѣдича, чи тѣ продали ему пасовииско.

— Нѣтъ не тѣ, — былъ отвѣтъ дѣдича.

Наконецъ выступила напередъ третья клясса, и судья пытаеся дѣдича: «Чи тотъ начальышкъ и тѣ радны продали вамъ пасовиско?»

— Такъ, прошу свѣтлого суда, — отвѣтилъ дѣдичъ.

Судья звертаеся до Николая и пытаеся: «То вы, будучи начальникомъ громады, запродали пану дѣдичу громадске пасовиско?»

— Нѣтъ, прошу ясного суду, то не естъ правда.

— Но тутъ естъ ваша подпись и громадска печатка. Кто же то все сюда поставиль?

— Прошу свѣтлого суду, дайте менѣ то объяснити. Я съ паномъ дѣдичомъ не малъ николи ничего до дѣла, но одного разу я пришолъ до хаты на полудне съ двома майстрами, которы у мене будовали шопу. Мы ино зачали полудновати, якъ панъ дѣдичъ пріѣхалъ каретой на мое подворье. Дивимося, а панъ дѣдичъ входитъ въ хату и говоритъ: «Я пріѣхалъ, пане начальнику, щобы вы ся подписали и прибили печатку». Конечно, я заразы пытаюся, на що я маюся подписовати и прибивати печатку. На то дѣдичъ сказалъ: «Дивѣтсд, тутъ пришло отъ староства, чи я позволяю въ своей рѣкѣ конопля людямъ мочити» (а того року не вольно было людямъ конопля въ рѣкѣ мочити, бо у насъ была слабость). И говоритъ дальше дѣдичъ, що онъ позволяе, и я маюся тамъ на то подписати. На томъ паперѣ я ничего не порозумѣлъ, бо я читати не умѣю, но я повѣрилъ въ слова пана дѣдича и зробиль на паперѣ; крестикъ и прибилъ печатку, но за пасовиско или за продажу не было ни слова, и на то я маю свѣдковъ.

Въ часѣ того переслуху дѣдичъ мѣнился на лицѣ — то червонѣлъ, то блѣднѣлъ. Судья прикликалъ еще свѣдковъ, тѣхъ майстровъ изъ другого села, которы то само сказали, що и Николай.

Тогда судья звернулсд до дѣдича и говоритъ: «Вы, пане дѣдичъ, совершили криминальный поступокъ и еще осмѣлилися подати справу до суду. Ваша справа програна! Идѣтъ собѣ съ паномъ Богомъ до дому!

Тутъ выступилъ Несторъ и говоритъ: «Прошу пана судью, я маю еще просьбу, я хотѣлъ бы знати, кто намъ заплатитъ за нынѣшній день, що мы стратили въ сами жнива?»

— Богъ вамъ заплатитъ, — отповѣлъ, усмѣхаючися, судья.

— Мы не хочемо чекати, пане судья, закѣмъ намъ Богъ заплатитъ за пана дѣдича, мы хочемо, щобы намъ панъ дѣдичъ теперъ за тотъ день, що черезъ него мы стратили, заплатиль, бо якъ нѣтъ, то мы подаемо справу на другой судъ.

Дѣдичъ дивитсд, що тутъ справа начинае принимати совсѣмъ неприятный оборотъ, и переборовши свой гнѣвъ, звернулсд до Нестора и спросиль: «А сколько вы пороховали бы собѣ за нынѣшній день?»

— Для самотного по 4 короны, а кто съ возомъ и коньми, то по 10 коронъ.

— Будьте спокойны, — отвѣтилъ дѣдичъ: — я вамъ то заплачу, бо не хочу съ вами тягаться больше по судахъ.

— Дуже добре, — отвѣилъ Несторъ: — мы будемо довольны, если намъ панъ дѣдичъ или тутъ заплатитъ или подпишется тутъ въ судѣ, що то намъ заплатитъ.

Дѣдичъ въ судѣ подписался, що заплатитъ всѣмъ селянамъ за день такъ, якъ сказалъ Несторъ. Съ тѣмъ люди поѣхали домой. Въ селѣ между тѣмъ нетерпеливо всѣ чекали, бо каждый хотѣлъ знати, чѣмъ окончился процессъ громады съ дѣдичомъ.

Несторъ оповѣлъ народу, що пасовиско якъ было громадске, такъ и останется, бо Николаи совсѣмъ невиноватый. Весь народъ дуже ся тѣшилъ тѣмъ и всѣ хвалили Нестора, бо якъ бы не Несторъ, то такой бы дѣдичъ забралъ пасовиско собѣ. Кто иншій въ цѣлой громадѣ отважился бы выступити до такого процессу съ дѣдичомъ?

V

Въ домѣ самого Нестора не было весело. Дѣтей у него не было много — ино два сыны. Старшій назывался Стефанъ, а молодшій Петро. Стефанъ еще съ маленьку былъ пустый, хотя неразъ Несторъ и добре выбилъ его, но то не помогало. Бывало выйде на улицу бавитися, то все когось ударитъ: тому голову камнемъ розобье, другому пальцы покусае. Все была якась новина, Петро снова былъ инакшой натуры. Якъ выйде бавитися меже дѣтей, то спокойно ся бавитъ, ни съ кѣмъ ся не передирае, и що бы малъ съ собою, то пороздае другимъ дѣтямъ. Петра за то всѣ любили, и якъ вышолъ бавитися, всѣ къ нему горнулися. А Стефанъ якъ выйде меже дѣтей бавитися, то всѣ отъ него втѣкають.

Неразъ говорилъ Несторъ до своей жены: «Я не сподѣюся, щобы мы мали съ нашего Стефана потѣху. Петро то дуже спокойный и щирый, такъ що и ему не буде добре въ житью, а со Стефаномъ то я самъ не знаю, що робити. Учится добре, но великій збыточникъ. Кобы ино школу въ селѣ скончилъ, то дамъ его дальше до мѣста, то може тамъ его научать якого розуму.»

А жена Несторова бывало защищала своего Стефания: «Слухай-но, Несторъ, молоде, то буйне. Выросте большій, то буде лучшій, бо всѣ дѣти цусты, якъ еще малы.»

— А где тамъ, — отвѣчае Несторъ: — доброго еще съ маленьку можно познати.

Якъ Стефанъ окончилъ сельску школу, Несторъ отвѣзъ его до Бучача до дальней науки. Запровадилъ Стефана до добрыхъ людей на станцію и наповѣлъ той хозяйкѣ, щобы мала добрый надзоръ за нимъ, бо то еще молодой, то ему буде скучно за домоу и за роднымъ селомъ.

Такъ остался Стефанъ въ Бучачѣ. За пару недѣль онъ зналъ уже цѣлый Бучачъ — всѣ дороги и всѣ закутки. А все пише до тата: присылайте гроши, бо менѣ треба то на нитки, то на зошиты.

Такъ минулся одинъ годъ, и Стефанъ пріѣхалъ на вакаціи. Родичи втѣшилися, бо сынокъ здоровый и хорошо одѣтый. Но ничего не поможе зробити, ино собѣ ходитъ по садку, или по поляхъ гуляе. Несторъ ничего не говоритъ, ино думаетъ: «Кобы ино добре ся училъ, то все буде добре».

Быстро миналося время. Роки за роками убѣгали, и вже Стефанови минуло 19 лѣтъ, вже скоро долженъ окончити гимназію. Одного разу Несторъ получилъ письмо изъ Бучача отъ самого директора. Директоръ писалъ: «Пане Несторъ, що съ Вашимъ сыномъ робити? Съ початку учился дуже добре, а теперъ цѣлковито ся попусуль, вже другой годъ стоитъ въ одной кляссѣ, а въ тому еще мѣщане скаржатся менѣ на него, що онъ не добре собѣ поступае. Если онъ ся не поправитъ, то я выжену его изъ школы. Шкода лишь Вашего труда, що Вы на него столько вытратили».

Несторъ прочиталъ то письмо и засумовался: «Я вже столько наложилъ на него и хочу поставити его на человѣка, щобы такъ тяжко не гарувалъ на грунтѣ, а тутъ выходитъ, що изъ того ничего не буде».

Но не было другого выхода. Собрался Несторъ еще того самого дня и поѣхалъ до Бучача. Вечеромъ пріѣхалъ на квартиру до той хозяйки, где жилъ его Стефанъ. Дивится, а тамъ якійсь два ученики сидятъ за книжками, бо были также тамъ на станціи, но Стефана нигде не видно.

— Где мой Стефанъ, що я его не бачу? — говоритъ онъ до хозяйки: — може вже спитъ?

— Та где спитъ? — отвѣчае хозяйка: — може где надъ ранкомъ приде. И то що вечера такъ робитъ.

— И вы ему такъ позволяете робити?

— А щожъ мене то обходитъ? Онъ менѣ не робитъ ніякой галабурды, самъ свою комнату мае, а вы менѣ рихтельно платите, то я не маю до него ніякого права.

Несторъ чекае. Вже девята година выбила, тѣ два ученики вже пошли спати, а Стефана нема. Хозяйка тоже вже собирается спати и говоритъ до Нестора : — Вы на него не чекайте, ино возъ съ коньми дайте подъ шопу, а сами йдѣтъ до его комнаты и лягайте спати. Стефанъ въ ночи прійде.

Несторъ такъ и зробилъ. Запровадилъ кони подъ шопу, далъ имъ ѣсти, а самъ пошолъ до горы до комнаты, розобрался и чекае на Стефана. Вже на ратушѣ выбила одинадцата година, а Стефана нема. Дивится Несторъ на столикъ, а тамъ письмо лежитъ. Зачалъ читати, а то письмо отъ якойсъ дѣвчины. Несторъ ино головою покрутилъ и думаетъ: «Где жъ ему буде наука въ головѣ, коли ему вже дѣвки въ головѣ?»

Выбила друга година по полночи. Несторъ слухаетъ и чуе, якъ ктось иде тихонько до горы до комнаты. За хвилю отворилися двери и въ комнату вошолъ Стефанъ. Якъ побачилъ тата, щось по-нѣмецки заклалъ. Несторъ ино запамяталъ собѣ два слова «шварць Юръ», а больше не могъ зрозумѣти.

Дивится Несторъ на своего сына, а у него око сильно подбите. И пытаеся сына: — Где жъ ты былъ? — така поздняя пора, а ты еще съ такимъ подбитымъ окомъ вертаешся? Що ты робишь, що ты собѣ гадаешъ?

— Я былъ у своего товарища на имешшахъ, а повертался я черезъ садъ, щобы было ближе до дому, и ударился въ темнотѣ о якусь гиляку.

Несторъ подумалъ, що и такъ може быти, и ничего больше не говоритъ. Съ тѣмъ полягали спати. Сынъ скоро уснулъ, а Несторъ не спитъ, ино иде въ головѣ гадка за гадкой, що то съ того буде.

Врано хозяйка зазвонила, щобы вставати на снѣданье, но Стефанъ спитъ. Несторъ зачалъ его будити: — Вставай, бо вже на снѣданокъ кличуть.

— То вы вставайте, якъ хочете, а я нынѣ до школы не иду.

Несторъ дивится и самъ думаетъ, що такой до школы не може ийти, бо око запухло, навѣтъ на него не вирить. Собрался Несторъ и сышолъ внизъ сумный. Хозяйка привитала его и пытаеся: — Якъ ея вамъ спало?

— Я цѣлу ночь не спалъ, ока не зажмурилъ, шо думками перебылъ ту ночь.

Ино то сказалъ Несторъ, а тутъ до хаты приходитъ полиціантг и пытае, чи есть тутъ на квартирѣ студентъ такой и такой.

Хозяйка ответила, що есть и, показуючи на Нестора сказала: «А той чевовѣкъ есть его отецъ».

— А на що вамъ Стефана ? — пытае Несторъ.

— Та той ночи жиды хотѣли его злапати, бо заходиль до ихъ наймички. Вже пару разъ на него засѣдали, але не могли злапати, а той ночи злапали, но онъ ея имъ выдеръ и втѣкъ, ино одному жидови дуже голову каменемъ розбилъ. Вже былъ у него докторъ, а може и до шпиталю возьмутъ.

Несторъ вийшолю нагору до Стефана и повѣдае: — Где-жъ ты былъ въ ночи, що ту полиціантъ пришолю по тебе, говорить, що ты жидови голову каменемъ розбилъ?

Стефанъ, якъ то почулю, зачалу трястися отъ страху.

— Не бойся, — говорить ему Несторъ: — ино менѣ скажи всю правду, скажи менѣ, якъ то ся стало.

Радъ-нерадъ расповѣлю Стефанъ все своему татови. Несторъ съ того ажъ заплакалъ и проговориль: «Видишь, сыну, я тебе хочу поставити на порядного человекъ, а ты мене завчасу хочеш до гробу загнати. Ты менѣ мою честь отбираешъ. Я цѣле село научиль розуму и порядку, а тебе не годенъ научити. Та-жъ я богато дѣтей не маю, ино васъ двоухъ и на васъ всю надѣю покладаю».

— Тату, я вже не буду, я вже ся поправлю, ино мене изъ той бѣды выбавьте, бо якъ нѣтъ, то я собѣ смерть зроблю.

— Що ты, сыну, говоришь? Я тя изъ того выбавлю, ино абы ты ся поправиль.

— Поправлюся, тату, — сказаль Стефанъ и началъ плакати и тата по рукахъ цѣловати. Несторъ зійшолю на долину и повѣдае до полиціанта: «Ходѣтъ, поидемо оба до начальника, бо Стефанъ не може идти, бо сильно хорый».

— Но, я не могу его лишити, бо менѣ начальникъ приказаль, щобы я и его привелъ.

— То ничего, що начальникъ казалъ его привести, — отвѣтилъ Несторъ. — Я его тато и я за него могу заступитися, бо и такъ оно безъ мене ке обойдеса.

— Ну, то ходѣтъ вы! — согласился полиціантъ.

Пришли въ канцелярію и полиціантъ представиль Нестора, що онъ есть отцомъ того ученика. Начальницъ зачалу Нестору говорити, що теперъ буде много клопоту, бо жиды напастны и будутъ ся своего допоминати. Они приходили еще въ ночи на квартиру начальника, щобы послалъ жандарма по Несторового сына, но начальникъ отложилъ все до рана и послалъ не жандарма, а полиціанта, щобы привелъ сына до канцеляріи.

— Що-жъ я маю теперъ съ тѣмъ робити? — спытался Несторъ.

— Нема що иного робити, только мусите того жида дома загодити, бо якъ поїде справа до суду, то васъ буде много коштувати, и сына изъ школы проженуть. Я прикличу того жида до канцелярїи и тутъ ся погодите.

Начальникъ послалъ полицїанта, щобы прикликалъ того жида до канцелярїи. Приходить полицїантъ до жида, а жидъ лежить въ лѣжку слабый, голова въ бандажяхъ и въ подушкахъ. «Вставай, Срулю», крикнулъ полицїантъ, «ходи до канцелярїи, бо тебе начальникъ кличуть». — «Ну, ну, я не годенъ вже вставати, я буду вмирати, скажѣтъ пану начальнику, щобы они пришли до мене», отвѣтилъ жидъ.

Съ тѣмъ вернувся полицїантъ и разказалъ все начальнику.

— Видите, то есть жидовска напасть, — говорить начальникъ до Нестора: — ходѣмъ, перейдемся до него, то и такъ не далеко.

Приходятъ они до дому того жида, и видятъ, що жидъ лежить слабый и стоне отъ болю. Зачалися пытать его, що съ нимъ случилось. Жидъ расповѣлъ все, якъ они съ братомъ засѣлись на студента, якъ его схватили, по студентъ ударилъ его, т. е. Сруля, по головѣ каменемъ и утѣкъ, лишь братъ далъ, ему разъ межи очи. Дальше сказалъ и то, що тотъ студентъ гагубилч. шапку, на которой есть написано, якъ онъ ся называе, где мешкае и до которой клясы ходить.

— А ты маешь ту шапку? — пытаеся начальникъ.

— А чому бы я не малъ той шапки, я по той шапкѣ дознался, що то за одинъ, теперъ я его добре научу.

— Знаешь, Срулю, — сказалъ начальникъ: — мы пришли до тебе, щобы то погодити. Сей человекъ то отецъ того студента.

— Ну, ну, я буду годитися, най менѣ дадутъ сотку, и буде спокой, а якъ нѣтъ, то я подаю до суду и его возьмутъ до криминалу. Кошта менѣ мусять и такъ вернути, бо они его тато, а якъ менѣ дадутъ сотку, то никто не буде ничего знати и все буде «ша».

Несторъ подумалъ, що такой правда и що лучше и для него самого, якъ отца и начальника громады, щобы то все было улажено безъ великого розголосу. Дятого заплатилъ жиду сотку, а жидъ. ему подписался, що все заспокоено, и отдалъ шапку. Съ тѣмъ и розійшлись.

Несторъ вернулся на кйартиру къ сыну, отдалъ,ему шапку и сказалъ: — Я за ту шапку заплатилъ сто ринскихъ, но отнынѣ, якъ ты ся не поправишь, то я выре.чуся тебе що ты мой сынъ.

Послѣ того Несторъ пошолъ видѣтися съ директоромъ гимназіи. Директоръ принялъ его дуже файшо, бо зналъ его, що то за человекъ, и зачали оба розмовляти.

— Знаете, я бы его давно вже прогналъ изъ школы, але васъ добре знаю, то еще терплю, — сказалъ директоръ. — Съ початку дуже добре учился, а теперъ, то я самъ не знаю, що ему ся стало. И нынѣ его не было въ школѣ...

— Нынѣ, господинъ директоръ, прошу ему простити, — сказалъ Несторъ: — вчера вечеромъ я пріѣхалъ до него, то коли почувъ нагорѣ, що и говорю съ хозяйкой, зачалъ бѣгти сторы сходами и упалъ такъ, що собѣ око добре подбилъ.

— Та кобы то лишь нынѣ разъ, но я маю съ нимъ згрызоту постоянно. Вже два роки въ одной клясѣ сидитъ. Я еще почекаю якій часъ, но якъ онъ ся не поправить, то такой изъ школы прожену.

Несторъ попросилъ директора, чтобы не поступалъ остро противъ сына, и такъ простился съ нимъ.

Съ тѣмъ вернулся Несторъ домой, до села. На лицѣ сумный и блѣдый, якъ бы по великой хворотѣ всталъ съ лѣжка. Жена пытается: — А тобѣ що такого? Чи ты хорый, чи може нашъ Стефанъ хорый?

Несторъ расповѣлъ женѣ, яку онъ малъ радость, якъ сына зобачиль, и расповѣлъ все безъ утайки.

Жена начала плакати и говорити: «Я тобѣ казала, що най буде дома, а то въ чужомъ мѣстѣ никого ся не боить, що хоче, то робить, а ты за него плати. Дивися, Петро вже твою роботу заступае. Съ него буде господаръ, а съ такихъ, якъ Стефанъ, то научатся лишь лѣнивства и людей дурити. Перше не было нѣякихъ студентовъ, то народъ спокойно жилъ. Хотя и панщину робили, але ся любили, а нынѣ що хата, то партія. Въ нашемъ селѣ еще спокойно, бо тебе слушаютъ, но чекай, що дальше буде, якъ выйдугъ изъ школы студенты.

— Слухай-но, Татьяна, — сказалъ Несторъ: — я бы не хотѣлъ быти ворогомъ собѣ, ни своимъ дѣтямъ. Сама можешъ порозумѣти, що было бы файно, якъ бы мы своего сына на щось выучили. Чи то всегда лишь панскіи сыны мають быта учены, а хлопскіи нѣтъ?

— Панского и цапа научать, а хлопского сына, хотя и доброго, то не хотятъ, — отвѣтала Татьяна. — Хотя бы и платилъ добры гроши, то такой ему не покажутъ праврой дороги. А который ся научить, то часто стыдаея своего роду, и тоже изъ него нѣтъ ніякой пользы. Нынѣ правды не любягъ, и хлопскому сыну, который бы хотѣлъ постояти за правдой, не дадутъ житья, не дадутъ доброй посадки, и мусить ся имъ покорити. Нынѣ всюда лишъ брехня мае голось.

— То такъ долго не буде, и правда всегда выйде наверхъ.

— Чекай, псе, закѣмъ кобыла здохне, то и самъ сгинешъ, — сказала Татьяна.

VI

У Нестора дальше господарка провадится, якъ и попередно, ино все ему на головѣ Стефанъ. Ажъ тутъ за пару недѣль приходитъ Стефанъ изъ мѣста съ своими пакунками. Несторъ заразъ понялъ, що то значить: — Що ся съ тобою стало? Чому ты ся не училъ? Я столько грошей на тебе наложилъ, щобы изъ тебе былъ порядный человекъ...

— Изъ мене и такъ буде порядный человекъ, — отвѣтилъ Стефанъ. — Я паномъ не хочу быти.

— Та я вже вижу, що ты паномъ не хочешъ быти, то теперъ мусишь працювати, якъ я працюю, бо на селѣ даромъ хлѣба не ѣдягъ.

Петро вже зналъ, якъ коло грунту и коло господарки робити, а Стефанъ ничего не зналъ, бо свои лѣта въ школѣ перебылъ, а навѣтъ охоты не мае коло господарки робити, ино черезъ мусъ робить изъ боязни, щобы тато не прогналъ изъ хаты. Часами зайде до читальни, но ино подивится на людей сторы, бо ему въ читальнѣ не подобалось все, що русске. Возьме книжку до рукъ, перегляне и говоритъ до людей: «То кацапска старомодна книжка, она теперъ ничего не вартуе. Намъ треба теперъ новыхъ книжокъ, бо мы украинцѣ, а не москали.

— Слухай-но, Стефане, — отвѣтилъ ему однажды молодой иредсѣдатель читальны: — а чоужъ мы мали бы называтися украинцами або москалями, кож наша земля ни не Украина ни не Москва? Наша земля Галичина, и мы галицкій русскій народъ. А Украина то есть такій кавалокъ земли въ Россіи.

— Вы менѣ того не повѣдайте, — отвѣчае Стефанъ: — я лучше знаю, бо я учился въ школахъ. А що вы? где вы учится? Вы то знаете, що васъ мой тато научилъ, а онъ самъ ничего не знае, бо нигде въ школахъ не былъ.

Всѣ затихли, ино ся одипъ старшій вже человекъкъ отозвалъ: «Та Стефанъ може быти, що знае лучше, бо былъ въ школахъ, а изъ насъ никто до школъ до мѣста не ходилъ».

—Нѣтъ, онъ запродавецъ, такій ляшокъ! — крикнули голоса.

Несторъ якъ ся о томъ дозналъ, зачалъ сильно кричати на Стефана: «Якъ ты менѣ будешь тутъ якусь Украину закладати, то я прожену ты не лишъ изъ дому, но и изъ самого села... Иди собѣ на ту Украину!»

Стефанъ видѣлъ, що со старымъ татомъ ничего не годенъ подѣлати и далъ спокой, ино собѣ помыслилъ: «Кобы лишъ я оженился, а ты менѣ половину маетку записалъ, то я потомъ тебе вырыхтую, старый кацапе».

Стефанъ взялся до работы и робить съ Петромъ на грунтъ такъ, що часами старый Несторъ тѣшитя и думаетъ про себе: «Изъ него еще буде добрый господарь; та наука, що мае, то ему пригодится и на господарствѣ».

Такъ минуло пару дѣтъ. Стефанъ вже выросъ до своихъ лѣтъ, вже пора ему женитися. Одного разу Несторъ говоритъ ему: — Бери, сыну, и женися, пока я еще жию.

— Та я вже такой о томъ думаю, ино боюся вамъ сказати.

— То, сыну, нема чого боятися, ни встыдатися, бо такъ было и такъ буде, ино собѣ поглядай доброй девчины.

— Я вже собѣ выбралъ девчину на другомъ селѣ.

— То еще лучше... а чья она?

— Вы певно знаете ея тата — называеся Микола Сокира.

— Дуже добре его знаю, — отвѣчаетъ Несторъ: — порядный господарь, ино мае смолу въ рукахъ, але то ничего, ино абы Олена была добра, бо ты съ Миколой не будешь жити, ино съ Оленой.

Стефанъ пойшолъ въ старости на друге село до Олены. Микола Сокира сказалъ Стефанови, що все буде добре, ино онъ хоче передъ тѣмъ видатися съ его татомъ. Стефанъ вернулся домой и росповѣлъ Нестору о томъ, що сказалъ ему Микола. На другій день Несторъ поѣхалъ до Миколы. Микола встрѣтилъ его дуже гостеприимно и сказалъ: — Ващъ сынъ хоче женитися съ моей Оленой. Я дуже радъ, щобы мы были собѣ сватами, але я бы радъ знати, що вы даете своему сынови.

— А що маю давати ему? Я не маю, ино два сыны, то той маетокъ, що я маю, приде на обыдвохъ по половинѣ.

— У мене также нема богато дѣтей, ино трое, — сказаль Микола: — то я также подѣлю ихъ по ровной части.

За три недели отбылася свадьба, и Стефанъ припровадилъ въ домъ невѣсту. Несторъ и Несторова жена тѣшатся, що мають добру невѣсту. Всю роботу знае, сама все поробить, а до старой Татьяны говорить: «Вы сидѣть и отпочнѣть собѣ, а я то и сама зроблю!»

Одного разу Стефанъ повѣдае до Нестора: — Слушайте, тату, що я вамъ маю сказати — чи вы мене послухаєте, чи нѣтъ?

— То скажи, якъ що доброго, то чому бы я не послухаль.

— Я бы хотѣль, щобы вы менѣ половину грунту записали. Видите сами: я роблю и моя жена, робить, а Петро якъ ея колись оженилъ, то такъ само половину достане. Якъ насъ теперъ не подѣлите, то на мене буде кривда, бо мы съ женой робимо, а Петро лишь одинъ.

Слудай-но, Стефане, на тебе, не буде кривды, бо ты и такъ мало еще робишь. на грунтѣ. Я тебе посылаль до школы, и то мене коштовало столько, що за тѣ гроши наименьше пять морговъ поля можно бы прикупити, а Петро цѣлый часъ робилъ на грунтѣ. Но Петро на то ничего не говоритъ, а ты съ женой лишь пару недѣль поробилъ и уже о кривдѣ говоришь. Нѣтъ, я тебе не послухаю, и того не зроблю. Петро, щобы и нынѣ хотѣль ся женити, то треба ему хату побудовати и будынки, бо на одномъ обійстью не будете оба сидѣти, а якъ буду умирати, то оба маете по половинѣ наименьшу рѣчь. Я васъ такъ подѣлю, що ни Петро ни ты не будете мати кривды.

По той бесѣдѣ съ татомъ Стефанъ сталъ инакшимъ. Вже такъ щиро не робить, якъ перше. Якъ ѣде куда, то мало-що коней не позапалюе. Все робить якъ бы за напасть.

Одного дня Несторъ вернулся изъ канцелярїи сумный и дуже слабый.

— Чого ты такій сумный нынѣ? — пытаеся его Татьяна.

— Я дуже слабый, но самъ не знаю, що менѣ есть. Постели лѣжку, бо я хочу лягати.

Татьяна постелила лѣжку и зачала плаката, бо Несторъ дѣйствительно былъ дуже слабый. Заразъ закликала Петра и сказала ему, щобы ѣхаль до доктора. Петро хутко ирирыхтоваль возъ и поѣхаль до мѣста. Прїѣхаль докторъ,

оглянулъ Нестора и ино головою покрутилъ. Сказалъ, що слабость есть дуже опасна, бо у Нестора слабе сердце, и черезъ то смерть може наступити въ каждую хвилю. Еще даль ему якого-то лѣкарства и собѣ поѣхалъ обратно.

—Татьяно, — отозвался слабымъ голосомъ Несторъ: — я чуюся дуже слабымъ. Прикличь коморника, бо я хочу маетокъ подѣлити на сыновъ и на тебе — я не хочу, щобы вы мали сварку изъ-за. того по моей смерти.

Прикликали коморника и передъ нимъ Несторъ отозвался до своей жены: «Слухай, Татьяна, я чую, що менѣ ся треба съ тѣмъ свѣтомъ розставати. Той маетокъ, що мы маемо, то есть твой и мой. Мы еще сами много придбали. Если бы я померъ, то все лишаю на тебе, а ты маешь на другой половинѣ Петрови поставити хату и будынки такій сами, якъ мы маемо, абы Петро малъ где сидѣти, якъ ся оженитъ. Ты маешь тотъ весь маетокъ тримати при собѣ, доки будешъ жити, а по твоей смерти то мае быти половина на Стефана и половина на Петра. И то все мае быти по половинѣ: поле, худоба и каждая рѣчь, яка ино есть. А они мають тебе шановати и слухати. Если бы они тебе на старости не хотѣли шановати, то ты маешь право ихъ отъ того маетку отлучити и маетокъ дата, кому хочешъ».

Стефанъ, якъ то почувъ, ажъ зубами заскреготалъ изъ злости, що тато ему теперъ ничего не записал. А Петро ничего не говорить, ино плаче.

Коморникъ собѣ то все пописалъ при свѣдкахъ и поѣхалъ. Пришла почъ, а Несторови все горше. Татьяна и Петро сидятъ коло постели и плачутъ, а Стефанъ пошолъ собѣ со своей женой спати.

Несторъ подивился на Татьяну и на Петра, що они плачутъ, и ему стали слезы въ очахъ.

— Не плачьте, — сказал онъ до нихъ: — якъ я маю умерти, то вы мене не оплачете, ани отъ смерти не откупите. Только ще маемо правды на свѣтѣ, що отъ смерти никто не годенъ откупитися; у ней всѣ равны — чи богачъ, чи бѣдный, чи рыцаръ, чи царъ. Она никого ся не боить. Менѣ ино жалъ того, що Петра я не оженилъ, пока я ще былъ при своей жизни. Такъ, сыну мой, вже не буду я видѣти твоего веселъя. Якъ ты будешъ ся женити, то я може буду вже въ гробѣ лежати, а може мене шей Богъ милосердный съ той постели двигне. Но вы не плачьте, ино лягайте спати.

Несторъ ино тѣ слова вымовилъ и дуже ясно ся выдивилъ. Татьяна пытаеся: — Несторъ, чога ты ся такъ ясно дивишь ?

Но Несторъ вже не могъ слова промовити, ино головою покрутилъ, що вже буде умирати. Петро побѣгъ до другой хаты, щобы Стефана закликати. Приходятъ назадъ обыдва, а Несторъ вже отдалъ Богу духа.

Татьяна и Петро стали дуже сильно плаката, а Стефанъ повѣдає: — Вы не маєте чого кричати: вмерти каждому треба. Два разы не будуть вмирати: померли теперь, не будуть потомъ.

Рано рознеслась чутка по цѣломъ селѣ, що Несторъ померъ. Всѣ люди жалували за Несторомъ и говорили: «Онъ былъ якъ бы нашъ тато, а еще лѣпшій, якъ иншій тато, бо онъ насъ розуму научилъ. Мы нынѣ газдами, а все изъ его науки. Боже милосерднй, дай ему Царство Небесне».

Похороны отбылись дуже величаво. Ажъ трехъ священниковъ хоронило его, и множество народа проводило его домовину на мѣсто вѣчного покоя. Пришло много людей изъ сусѣднихъ селъ, бо Нестора знали доокола всѣ села.

Тяжко было дивитися на Татьяну и Петра, якъ они плакали горькими слезами, коли ишли за домовиной покойного. Татьяна вмлѣвала съ жалю. Другій жены розбивали ей смутокъ и говорили: «Не плачьте, не допускайте собѣ до сердца, бо ихъ не отплачете, а еще сами можете со свѣта пойти». — «Я не дбаю», говорила Татьяна, «нема моего господаря, нема моего пріятеля, то и мене ту не треба».

А Стефанъ плаче больше про людске око и все собѣ думаетъ: «Кобы шей мама померла, то я бы былъ господаремъ, но якъ она буде долго жити, то що менѣ съ того — я могу остатися коморникомъ до самой смерти?»

Нестора похоронили, а Татьяна съ того жалю тоже росхоровалася и до тыждня пошла за Несторомъ на вѣчный отпочинокъ.

VII

Похоронили Татьяну, и остался Стефанъ господаремъ на половинѣ маетку, а на другой половинѣ Петро. Въ громадѣ; нема начальника, то зачалися господари радити, кого бы то обрати, щобы былъ добрымъ войтомъ. Одни повѣдають: — А на що намъ далеко шукати: померъ Несторъ, но есть его сынъ Стефанъ. Онъ буде добрымъ войтомъ, якъ и Несторъ, бо то одна кровь. Стефанъ може займити мѣстце своего покойного тата.

Другій говорили, що Стефанъ не такій, якъ Несторъ, и остерегали людей, що изъ него може выйти зрадникъ для громады, но большинство переголосовало, и Стефанъ выйшолъ на войта.

А Стефанъ ино того чекаль, щобы громада выбрала его войтомъ. «Теперь я господарь дома и въ громадѣ», говорилъ онъ, «а кто не схоче слухати, то на такого есть жандармъ и арештъ». Заразъ Стефанъ заѣхалъ до повѣтового старосты, потомъ заѣхалъ до дѣдича и такъ съ ними познакомился, що потомъ часто до нихъ заѣзжалъ.

Дома на господарцѣ Петро робить якъ чорный вольт, а Стефанъ лишь приказуе. Такъ минуль рокъ. По роцѣ Петро каже до Стефана: — Берѣмся, Стефана, до будовы, треба ставити хату на моемъ пляцу, бо я думаю женитися того лѣта.

— А тобѣ на що ся женити? — отвѣчае Стефанъ. — Чи тобѣ нема кому зварити и рубашки выпрати? Якъ бы я былъ въ твоємъ станѣ, то о женитѣбѣ бы не думалъ.

Петро былъ дуже спокойный и благий человекъ: кто ему що сказалъ, то онъ его послухалъ. Може бы былъ и Стефана послухалъ, ино вже пару разъ онъ видѣлъ, що Стефанъ откуда ни приѣде, то все его жѣнка дасть ему щось лѣпшого поѣсти. «Я роблю, якъ чорный вольт», думалъ Петро, «и моего маютку тутъ половина, то для мене того нема, а для Стефана есть. Най буде, що буде, а я такой ся женю».

Стефанови дуже жалъ стало грунтъ розривати, но не было ніякой рады, бо Петро уперся ставити хату. Одного разу Стефанъ сказалъ: «Ну, якъ хочешъ ставити хату, то поѣдемо по дерево». Спровадили дерево, закликали майстровъ, щобы будовали хату. Майстры подивилися на дерево и повѣдають: — То дерево не совсѣмъ добре на будовы, оно долго не послужить.

— То васъ най не обходитъ совсѣмъ, яке дерево, а ставте изъ такого, яке маете, — сказалъ Стефанъ.

Поставили хату и другіи будынки. Еще того лѣта оженился Петро въ своемъ селѣ съ одной небогатой, но честной дѣвчиной, котору щиро полюбилъ. Онъ могъ оженился съ богатой, бо ему ничего не бракувало — файный молодець, здоровый и маючий, но онъ богатства не глядалъ. Неразь бывало онъ собѣ сиѣвалъ: Не тамъ счастье, не тамъ доля, Где богаты люде, — Кто ся злучить по милости, Тому гараздъ буде. Треба было съ Петромъ дѣлитися по половинѣ. Стефанъ все выбирае, которе старше и которе горше и то дае Петрови. Петро дивится и повѣдае: — Слухай, брате, которе горше, то ты бери половину, а не такъ, якъ ты робишь: собѣ лѣпше, а менѣ горше. Стефанъ еще назлостилея и отповѣдае: — Проси Бога, що я тобѣ даю половину и хату выставилъ. Самъ знаешь, що не я малъ тобѣ хату ставити, але мама. Но мама померли, то мое добре сердце было, що я тобѣ хату и будынки выставил и даю теперъ всего по половинѣ. А якъ ты не хочешъ, то не бери. Петро былъ дуже згодливый и покорный, то и теперъ больше не протестовалъ. Подѣлилися всѣмъ по половинѣ. Правда, Стефанъ дуже обѣдилъ Петра на всемъ, але Петро на то ничего не казалъ. Коли ему люди говорили, що Стефанъ его несправедливо подѣлилъ, Петро отвѣчалъ: «Якъ Богъ милосердный мае менѣ дати, то дасть, а чужа кривда все выйде наверхъ». Такъ начали господарити на своихъ половинахъ Стефанъ и Петро. Стефанъ наймитовъ тримае, но трудно, щобы кто нибудь выбылъ у него цѣлый рокъ, бо Стефанъ все яку то причину найде,

щобы не заплатити наймиту. Якъ богато роботы есетъ, то люде со села сойдутся и все оброблять. Дѣтей у Стефана не было, но на господарствѣ ся доробляе все лучше. А у Петра до року даль Богъ нивроку. И що року есть то нивроку. И не легко Петрови. Найперше стодола завалилася и мусѣль Петро другу ставити. Скончилъ стодолу, треба хату переставляти, бо зачала валитися. Такъ мусѣль Петро всѣ будынки переставляти. Вже все переставилъ, якъ ся належитъ, ажъ тутъ по жнивахъ взялся откуда то огонь — не знати, чи кто подпалилъ, чи що, но чисто все погорѣло, бо то было въ ночи, ино со счастьемъ Петро вразъ съ женой и дѣтьми спасся отъ смерти. Пришлось Петру наново будовати, но грошей нема, ни нема що пропродати, бо весь хлѣбъ, и вся худоба погорѣла. Що тутъ робити? Пійоць Петръ до брата Стефана порадитися, що ему робити, и зачалъ Стефанови повѣдати: «Ты, брате, маешь гроши... пожичь менѣ три сотки — я тобѣ отдамъ съ процентомъ. Самъ видишь, що треба яку-таку хатину побудовати, бо незадолго зима буде. Теперь на дворѣ ночуемо, а далѣй вже буде холодно. При томъ дѣти малы, то треба яку корову купити». Стефанъ ино ся засмѣялъ и сказалъ: — Ты менѣ; за дѣтей не повѣдай тутъ, бо я тобѣ дѣтей не навелъ, я тобѣ говорилъ якъ брату, щобы ты ся не женилъ, бо тобѣ при менѣ не было зле, но ты хотѣлъ женитися, то теперь маешь. Я хотя и маю гроши, но тобѣ не пожичу. Но якъ хочешь, то пожичу, але на поле — запиши менѣ поле, то я пожичу.— Ну, то я и поле запишу, якъ ты такъ ся боишь, — сказалъ Петро.— Сколько грошей тобѣ треба?— Та хотя три сотки.— Добре, я тобѣ пожичу три сотки до року. Якъ ты менѣ не отдашь до року, то поле мое.— А где-жъ я до року три сотки возьму? Та-жъ видишь, що у мене нема ничего продати, бо все погорѣло, ино ще я мушу куповати.— Якъ хочешь, Петре... я на свою працу не буду проситися. Петро дивится, що иншой рады нема, и подписался при свѣдкахъ, щодо року отдасть долгъ. Стефанъ выраховалъ три сотки при свѣдкахъ и повѣдае: «Отъ нынѣ за рокъ якъ бы менѣ Петро не отдалъ тѣ три сотки съ процентомъ, то я маю право взяти у него четыре морги поля заразь за селомъ». Петро побудовалъ малу хатину и хлѣвецъ купилъ коровисю, и вже по грошахъ. А хлѣба то вже люди надавали, бо своего не малъ, бо все погорѣло. Люди троха назвозили збожа и наши для коровы, но Стефанъ ани одного зерна не даль. Минулъ рокъ дуже хутко, а у Петра грошей нема. Стефанъ взялъ четыре морги поля, що найлѣпшого и найблизшого. Петро ино заплакалъ, а Стефанъ еще богатшій, якъ былъ перше. Люди ся дивуютъ, що оба братья одного тата и одной мамы, но Стефанови добре ся поводитъ, а коло Петра все бѣда. Други снова повѣдають: «Кто прибѣдитъ за-молоду, то не буде на старость» Правда, Петра всѣ жалували, бо былъ добрый человекъ, но що изъ того. Петрови чѣмъ рокъ, то все горше. Дѣтей маеть досыть, а маетку мало. И то, що есть, треба продати, бо долгу есть досыть. Часами приходитъ на гадку, щобы пойти и въ воду скочити, но подивится на дѣтей и бере и молится до Бога, щобы отвернулъ отъ него такіи мысли. Бывало, жѣнка розбивае ему горе и повѣдае: — Не сумуй, Петре, мы еще того дочекаемо, що намъ буде добре и нашимъ дѣтямъ. Петро ино рукой махне: — Хиба на тамъ-томъ свѣтѣ, а тутъ на землѣ я вже не сподѣюся добра.— Кобы-но только наши дѣти подросли, то буде

легче, — говоритъ далѣше жѣнка. Наконецъ, такъ Петрови пришло, що весь маетокъ Стефанъ забралъ за долги, ино ся лишила хатина и той пляцъ коло хаты. Стефанъ щей на той пляцъ зубы острилъ. Тѣмчасомъ подросли два Петровы хлопцѣ и поишли до двора и найшлися за погоничей на лѣто, за що достають орнарію и дрова.

Часами тѣ Петровы хлопцѣ зайдуть до стельмашки на полудне, бо на томъ фольварку была стельмашка и кузня скарбова. Коваль и стельмахъ то были чехи — оба родны братья и оба дуже добры люде. Пару разъ вже тотъ стельмахъ говоритъ то одному то другому: «А ты, сынку, бы малъ охоту научитися коло воза робити?»

— Я бы малъ велику охоту научитися той роботы, — отзывается старшій Михаилъ.

— А я бы хотѣлъ знати ковальску роботу, — говоритъ Андрей.

— Дуже добре, хлопче, — говоритъ стельмахъ: — вамъ служба въ дворѣ кончится въ осени, то въ зимѣ мы можемо попробовати научитися ремесла. Якъ вы научитесь того ремесла, то будете лучше жити, якъ въ каймитахъ или на грунтѣ.

Пришла осень. Служба въ дворѣ для Петровыхъ хлопцевъ вже ся окончила, но они поишли снова до двора до тѣхъ майстровъ: Михаилъ до стельмашки, а Андрей до кузни. Чехи не могли собѣ нахвалити своихъ учениковъ, навѣтъ до дому не охотно ихъ пускали. Давали имъ ѣсти, що сами ѣли, и учили ихъ, якъ бы своихъ дѣтей.

На весну треба было хлопцямъ снова ставати на службу въ дворѣ. Коваль и стельмахъ повѣдають имъ:

— Вы останьтеся еще на лѣто, то до року будутъ съ васъ майстры.

— Мы бы остались охотно, — говоритъ Михась: — но у тата нема

грунту, то мы мусимо имъ допомагати, бо тато не годны всѣмъ намъ дати утриманья.

— Вы ся тѣмъ не журѣтъ, — сказалъ чехъ: — Богъ больше мае, якъ роздалъ. Мы также колись были бѣдны, то мы знаемо, що то значитъ бѣда. Вы йдѣтъ до дому и скажѣтъ своему татови, щобы завтра вечеромъ пришолъ къ намъ, то мы съ нимъ поговоримо.

Другого дня вечеромъ Петро пришолъ къ майстрамъ. Они его файно привитали и повѣдають: «Слушайте, Петре, ваши хлопцѣ снова хотятъ ийти на

лѣто до двора, но ихъ шкода, бо они мають дуже охоту учитися ремесла. Мы видимо по нихъ, що если бы побыли у насъ черезъ лѣто, то будутъ добрыми майстрами.

— Дуже добре, — говорить Петро: — я самъ вижу, що они до того ся рвуть, но я бѣднѣй, не могу самъ дати имъ утриманья. У мене нѣтъ своего кавалка хлѣба. А якъ они пойдуть до двора, то панъ дастъ заразы орнарію, правда, невелику, но все буде кавалокъ хлѣба.

— Мы видимо, що на васъ бѣда, но видимо также и то, що ваши сыны хотять дуже учитися, то мы охотно васъ поратуемо и поможемо вамъ изъ той бѣды выйти. Мы вамъ пожичимо сто ринскихъ на вашихъ сыновъ, — мы надѣемся, що они намъ то отдадутъ хотяй за пару лѣтъ.

Петро, якъ то почувъ, ажъ мало чеха въ руку не поцеловаль. И на томъ ся угодили. Петро вернулся до-дому веселый и зачалъ оповѣдати своей женѣ весь свой разговоръ съ чехами. Петрова жена дуже была втѣшна и говорила: «Видишь, Петре, я всегда тобѣ повѣдала, що не треба журитися, бо н намъ еще буде добре на свѣтѣ. Богъ за каждого памятае, то и за насъ не могъ совсѣмъ забыти».

Такъ оба Петровы сыны остались и на лѣто у чеховъ. Оба они были здоровы, высокаго росту, грубой кости и фанной поставы. Хотя шей молоды, но на видъ крѣпкіи парубчаки. Роботы пыльнують, а чехи все показывают охотно, навѣтъ сами вже мало роблять. Матеріалъ, весь отъ скарбу, то чехи не жалуютъ матеріалу, а говорятъ: «Робъ, старайся зробити самъ, якъ найлучше, а якъ зопсуешь той кавалокъ, то бери другій, а такъ мусить зробити, якъ ся належить, бо человекъ, якъ вмѣе що добраго зробити, то нигде ся не повстыдае и смѣло упоминаеся за заплатой, яка ему ся належить».

Минулася осень и пришло до зимы. Михаилъ и Андрей знаютъ всю работу. Чехи вырбили имъ свѣдоцтва, що Михаилъ есть добрымъ стельмахомъ, а Андрей — ковалемъ, и повѣдаютъ: «Намъ за мѣсяць кончится тутъ служба, и мы вернемся въ свою Чехію, а вы можете остатися на нашей работѣ. Мы вже о томъ съ дѣичомъ говорили, и дѣдичъ не буде тому противитися, бо онъ видѣлъ вже вашу работу».

И такъ случилось. За мѣсяць чехи оставили работу, а Михаилъ и Андрей заняли ихъ мѣсто. Ажъ теперъ засвѣтило солнце лучшей жизни въ Петрово оконце. Оба сыны роблять, фанну плату мають, а при томъ орнарію и дрова и могутъ тримати по двѣ штуки худобы на панскомъ пасовиску и въ зимѣ на зимовлю. Поробили Петровы сыны одинъ рокъ, и вже инакше стало у Петра. Хлѣба есть подостаткомъ и есть въ що обратися.

Пришло на другій рокъ, сыны побудовали коло хаты кузню и стельмашку. Черезъ день роблять на фольварку, а вечерами дома. Роботы мають досыть, бо добре роблять. Петро нынѣ маеся лучше, якъ найзаможнѣйшіи господари въ селѣ.

По вернемося теперъ до Стефана. Стефанъ газдовалъ и вѣтовалъ дальше. Съ початку дуже заострился, але потомъ смѣнилъ свой рекордъ. Въ громадской канцелярії былъ писаремъ одинъ русскій человекъ изъ того самого села, але Стефанови не пришло то до вподобы, що съ нимъ ся не годить, и казалъ его отправить, кажучи, що старый писарь неученый. Громадска рада согласилася, и Стефанъ спровадилъ изъ Бучача якогось подпанка, що вѣтромъ. подбитый, и поставилъ его писаремъ въ громадѣ. Съ тѣмъ подпанкомъ Стефанъ ходилъ колись до школы, и оба такъ ся учили, що оба были выгнаны изъ школы. Но не лишь богатствомъ росъ Стефанъ, росъ онъ и своей гордостью. До двора и до старосты зачалъ Стефанъ все чадгѣйше заходити, ба и по пански вже ся носилъ. Уже малъ шляхетскій сурдуть, и хлопского кожуха и сѣрака не носилъ, якъ его тато, а купилъ себѣ нанску шубу.

Одного разу прикликалъ дѣдичъ Стефана до себе и зачалъ ему повѣдати: «Слушайте, пане начальнику, я вамъ дамъ великіи гроши, ино вы менѣ тое громадское пасовиско спродайте — оно менѣ потребно, щобы заокруглити свое поле».

Стефанъ якъ почувъ за великіи гроши, ажъ ся стрясъ, бо на то былъ дуже лакомый, и повѣдае: — Я бы то зробилъ, но якъ ся громада дознае, то може быти менѣ велика бѣда.

— А що васъ громада обходить. Вы дбайте за себе, абы вамъ было добре и абы вы мали гроши и гоноръ межи панами. Вы есть ученый человекъ, въ вашихъ рукахъ вся громада, и що вы схочете, то можете зробити. За вами панъ староста, и если бы который изъ хлопства отважился противъ васъ выступити, то суть на то жандармы, а якъ и жандармовъ мало, то есть войско. Громады вы не бойтеся совѣмъ, ино если вы маете доброго писаря, то все можно сдѣлати.

— Писаря я маю доброго — я его нарокомъ спровадилъ изъ Бучача, битый въ своемъ фаху, и онъ потрафитъ все зробити, що я ему скажу.

— Вотъ хорошо, — сказалъ дѣдичъ: — теперъ маете добру случайность заробити ладны гроши. Вы до смерти вѣтувати не будете, по васъ другій наступитъ, а мае взяти тѣ гроши, що я вамъ даю, кто иншій, то лучше, берѣть ихъ вы.

Стефанъ подумалъ и согласился. Дѣдичъ далъ задатокъ, а Стефанъ обязался, що до мѣсяца все выробить, якъ ся належить.

Вернувся Стефанъ домой отъ дѣдича и просто до канцеляріи, щобы порадитися съ писаремъ. Росповѣль онъ все писареви, а писарь ино ся засмѣяль и говоритъ: — Та се дуже легко можно зробити, и вся громада дасть намъ вѣру. Вотъ тутъ есть всѣ записи, сколько коштуе читальня, шпихлѣръ и громадскш склепъ. То все есть заплачено, але я такъ перероблю, що все буде на долгахъ. Тато вашъ померъ, то кого буде допоминатися громада. Дуже добре, если одинъ человекъ есть помершій, бо на такого найлегче вину звалити. Якъ громада буде допоминатися, чого вы пасовиско продали, то вы можете повѣсти: «Тато мой лишилъ великій долгъ на громадѣ, и я щобы спасати громаду, мусѣль пасовиско продати и долги вертати. «Всѣ люди дадутъ вамъ за вѣру, бо старый не встане изъ гробу, щобы засвѣдчити».

— Правду повѣдаешь, товаришу, — сказалъ Стефанъ: — робѣмъ такъ, щобы памъ было добре.

— Я такъ зроблю, що и чортъ не спознае.

За тыждень Стефанъ скликаль весь урядъ громадскій до канцеляріи. Пришли урядники до канцеляріи, а Стефанъ повѣдае: «Вотъ, подивѣтся, якъ мой тато вѣйтуваль! Поставилъ вамъ шихлѣръ, склепъ и читальню, но наробилъ столько долгу, що тѣ будынки того не стоятъ, сколько долгу на томъ записано. Теперь мы маемо то все заплатити и то еще съ процентами, бо якъ нѣтъ то нашъ маетокъ поиде на лицитацію. Но мы до того не можемо допустити, щобы люде въ селѣ тратили свои грунты, и для того мусимо найти способъ, щобы тѣ долги уплатит, Я думаю, щобы спродати громадске пасовиско, то громада буде мати покой.

И на то всѣ пристали, бо не знали другого выхода. Большинство урядниковъ и такъ было вже отдавна наруку Стефанови. Весь урядъ громадскій подписался, що громада продае пасовиско, щобы долги уплати.

Стефанъ взяль тогъ папѣръ и занесъ до дѣдича. Дѣдичъ ирочиталь и сказалъ: Дуже добре зроблено, пане начальнику. Теперь я вижу, що вы порядный и розумный человекъ».

По тѣхъ словахъ дѣдичъ выплатилъ Стефану решту суммы, яку ему обѣщаль за услугу. На другій день дѣдичъ пойшоць до суду и далъ переписати на себе громадске пасовиско.

Пришла весна, и дѣдичъ спровадилъ инженера, щобы отмѣрити громадске пасовиско, бо буде каналъ копати, которымъ хоче пустити рѣку. За инженеромъ пришли якісь мазуры и начали каналъ копати. Громада якъ то побачила, зараць собралпся у Стефана люде и пытаются, що то все мае означати.

— Пане начальнику, дѣвичъ забралъ наше пасовиско, — говорятъ Стефану люде.

— Онъ не забралъ, ино купилъ, — отвѣтилъ Стефанъ. — Мы мусли продати, бо громада мала великіи долги, що мой тато наробилъ. Ваша читальня, склепъ и громадскій шпихлѣръ не были заплачены.

— То неправда, — стали кричати люде: — громада не мае жадного долга. Мы маемо все пописано, що кто далъ и сколько що коштуе. Тѣ книжки суть въ канцеляріи.

— Прошу подивитися до книжокъ, — отвѣчае Стефанъ: — а увидите, кто говоритъ правду: я чи вы?

Принесли книжки и зачали дивитися. А въ книжкахъ весь долгъ стоить и нема записано, що кто далъ на будову будынковъ. Одни зачали клясти небощикови Несторови, а другіи снова повѣдають, що то борше Стефанъ съ тѣмъ, писаремъ запродали громаду, якъ небощикъ Несторъ.

Въ селѣ настала страшна заверуха, Стефанъ спровадилъ жандармовъ, но и то не помагае. Народъ не дае каналу копати: всѣ бѣжать со сокирами, съ косами, рыскалями. Кто що въ руки дорвалъ, стары и молоды, жѣнки и старики — всѣ вырушили на пасовиско, якъ бы яка революція. Дѣдичъ послалъ телеграмму до мѣста, и незадолго въ село прискакала цѣла эскадрона улановъ. Народъ видѣлъ, що не дастъ рады и далъ покой. Уланы побыли въ селѣ три дни и отойшли. Дѣдичъ пустилъ воду тѣмъ каналомъ, що выкопалъ, — и вже громада не мае пасовиска.

Всѣ люде зачали плакати и дуже кляли: «Бодай бы Богъ того покаралъ, що онъ насъ такъ обѣдилъ и нашу худѣбку, що ся теперъ не мае, где попасти».

Дѣдичъ, вже корчму зачалъ будувати въ селѣ на томъ своемъ пляпу. Шпихлѣръ минулся, склепъ громадскій минулся, ино читальня еще ся тримала, но жандармы все частѣйше заходили до ней и слѣдили за читальпяными урядниками, бо Стефанъ представилъ ихъ московскими шпіонами. Помалу чѣмъ разъ меньше приходили люде до читальни, бо ся бояли жандармовъ.

— То Стефанъ намъ наробилъ того, — шептали между собою люди.

Але пару такихъ молодшпхъ не могли вже тому стерпѣти, и засѣли въ ночи на Стефана и такъ его файно обрobili, що съ три недѣли минуло, пока онъ выншоль снова на дворъ.

Якъ разъ того року кончилось Стефаново войтовство. Онъ щей на дальше хотѣлъ быти войтомъ, но народъ вже его не хотѣлъ, а выбралъ собѣ иншого за

войта. Писарь ани не чекаль, коли Стефанъ передасть урядованье новому войтови, а утѣкъ изъ села, що никто не зналъ, где онъ ся подѣлъ.

Хотя вже Стефанъ не за войта, но ничего ему не бракуе. Грунту мае досыть и гроши мае великии, бо и свои мае и тѣ, що ему дѣдичъ, за пасовиско далъ. Але якъ то повѣдають, до часу збанокъ воду носитъ. Нашла бѣда и Стефана.

Было то по жнивахъ. Вже збоже было все съ поля свезено. Одной ночи у Стефана стался огонь и все до чиста сгорѣло: всѣ будынки, вся пашня и вся худоба. Такъ ся Стефанъ лишилъ, якъ его братъ Петро, що попередно было погорѣлъ. Люде еще больше стали говорити: «Вотъ черезъ ихъ тата мы несчастны, но Богъ вже посылаетъ на нихъ кару, перше одного Богъ покаралъ, а теперь другого».

Хотя у Стефана все погорѣло, але Стефанъ не дуже сумуе. Онъ мыслить собѣ: «Гроши маю досыть, то теперь еще красшій будынки выставлю, якъ были».

Но и тутъ перечислился Стефанъ. Слѣдующого дня по томъ великомъ пожарѣ; откудасъ взялась хмара и якъ ся пустить велика злива, то вода вырвала слюзы въ другомъ селѣ, и начала все долинами забирати, Стефановъ огородъ припиралъ до рѣки, и всѣ вербы въ томъ огородѣ вода повырывала. Стефанъ якъ тое зобачилъ, заломилъ руки и крикнулъ на голосъ: «Ажъ теперь я бедный пропалъ совсѣмъ!» Стефанъ всѣ свои гроши трималъ въ старой вербѣ. Тамъ было велике дупло, и онъ въ томъ дуплѣ трималъ свои гроши, бо ся боялъ въ хатѣ тримати, щобы часами злодѣи не закрали ихъ, или щобы не згорѣли при пожарѣ. А въ вербѣ было дуже выгодно тримати, бо никто не могъ ся сподѣвати, щобы въ дуплѣ были такіи великии! гроши. Но пришла вода, и забрала вербу, а съ вербой и гроши и понесла нхъ свѣтами.

Стефанъ лишился, якъ голый на леду. Изъ громады никто не хоче ему дати даже кавальчка хлѣба, ино повѣдають люде: «Най ему теперь дѣдичъ дастъ, которому пасовиско продалъ». Стефанъ такой и пойшолъ до дѣдича, щобы его чѣмъ нибудь поратовалъ, бо на першій день не мае ничего. Пришолъ Стефанъ до дѣдича, а дѣдичъ говоритъ ему: «За твою роботу я тобѣ разъ заплатилъ, а такихъ, якъ ты, я не ратую, бо ты есть зрадникъ. Гони отъ мене прочь, щобы я тебе на очи больше не видѣлъ!»

Вернулся Стефанъ назадъ на свое погорѣлище и видитъ, що не добре коло него. Сѣлъ и глубоко задумался: «И що доброго я наробилъ... Пасовиско я запродавъ дѣдичу, а гроши чортъ забралъ, и теперь вся громада на мене нарѣкаетъ и на моего тата, хотя они ничего невиноваты. А дѣдичъ перше мене паномъ величалъ, а теперь каже, що я зрадникъ. Не треба было ляхови вѣрити, но то вже пропало. Добре еще, що громада на тата нарѣкаетъ, бо якъ бы знали, що то я

тому вся вина, то готовы бы мене забити. А такъ тато померли, то о томъ никто не будетъ знати, що я надѣлалъ.

Но случилось такъ, що изъ того села были люде въ мѣстѣ на ярмарку и встрѣтились тамъ съ тѣмъ писаремъ, що въ ихъ селѣ служилъ за Стефанового войтовства. Тотъ писарь началъ пытатися людей, якъ тамъ Стефанови ся поводитъ. А люде говорятъ, що не добре, бо все ему погорѣло.

— Щобы онъ самъ былъ згорѣлъ, то грѣху за него бы не было, — отповѣдае тотъ писарь.

— Що-жъ онъ вамъ такого злого зробилъ, що вы на него такъ недобры.

— Най громада не нарѣкае на его небощика тата, — отповѣлъ писарь: — бо его тато былъ порядный человекъ и добрый войтъ въ громадѣ. Онъ ніякого долгу громадѣ не лишилъ, но щей гроши были въ Громадской кассѣ. Якъ я насталь за писаря, то Стефанъ менѣ казалъ всѣ тѣ записи переписати, щобы все, що было заплачено, зробити щобы было незаплачено. Я такъ и зробилъ, якъ онъ менѣ казалъ. На то я готовъ п нынѣ до суду ийти свѣдчити, якъ до того приде. Дѣдичъ ему за ту зраду заплатилъ великіи гроши, и онъ всѣ тѣ гроши затрималъ про себе.

Писарь для того и былъ злый на Стефана, що тотъ ему ничего не далъ изъ той суммы, хотя обѣщаль ему половину.

На другій день вже цѣла громада знала про Стефана, що онъ запродавъ громадске пасовиско. Одни хотѣли заразъ, ийти и бити Стефана, а другіи сказали: «Бійкой мы тутъ ничего не зробимо, ино треба еге зазвати до суду, а тотъ писарь мае свѣдчити якъ то было».

Такъ ся и стало. Пришоль означенный день, и всѣ ся ставили до суду. Стефанъ началъ и тутъ ложно сознавати, що въ книгахъ былъ долгъ записанный, но выступилъ писарь и росповѣлъ все, якъ то было. Писарь признался, що Стефанъ обѣщаль дати ему половину той суммы, яку малъ достати отъ дѣдича, но не далъ ему ани гроша.

Судья подивился на Стефана и сказалъ: «То ты, человекъ, дуже обѣдилъ всю громаду. Теперь мусишь то все звернути громадѣ: за пасовиско двѣ тысячи, за шпихлѣръ и всѣ кошта. Всего маешь звернути громадѣ три тысячи ринскихъ до трехъ мѣсяцевъ. Якъ того не сдѣлаешь, то отъ нынѣ за три мѣсяцы, твой грунтъ поиде на лицитацію.

Вернулися люде изъ мѣста съ процессу, и по цѣломъ селѣ якъ бы кто запалилъ, що то Стефанъ запродавъ пасовиско, а на его тато Нестора дурно народъ нарѣкалъ. Народъ такъ розлютился, що вже собиралися коло буды

Стефановой, щобы его тамъ забити, но новый войтъ людей успокоиль.
Розойшлися люде, но всюда по селѣ начали страшно клясти: «Щобы его Богъ покаралъ, щобы онъ такъ ходилъ, якъ той вѣчный жидъ ходитъ, который нигде пристановиска не мае.

Три мѣсяцы хутко минуло, а Стефанъ не мае чѣмъ громадѣ заплатити.
Пріѣхали паны изъ суду — будутъ Стефановъ грунтъ продавати на лицитаціи.
Жиды щей днемъ напередъ пріѣхали до села, бо хотять купити весь маетокъ Стефана.

Петро якъ то почувъ, зачалъ горько плакати. Оба сыны пришли до хаты, подивилися на тата и стали пытатися: — А вы чога, тату, плачете?

Тогда Петро зачалъ имъ повѣдати: — Дѣтоньки мои, якъ же менѣ не плакати? — Мой небощикъ тато лишили такій великій маетокъ на насъ двоухъ, бо больше дѣтей у нихъ не было. Мой братъ мене дуже обѣдилъ, и я мусѣлъ свой грунтъ продати ему, бо вы были еще малы, а долги были. Я мусѣлъ васъ годувати, а мой братъ не малъ милосердія надо мною ни надъ вами. Чужіи люде заратовали мене, а мой родный братъ менѣ ани зерна не далъ и весь мой маетокъ такъ за полъ дарма забралъ. Але я на него не нарѣкаю. Менѣ Богъ далъ добры дѣти и менѣ теперъ добре. Ино менѣ жалъ того, що тая моя батьковщина попаде теперъ въ чужіи руки и щей въ жидовскіи, бо въ нашемъ селѣ нема такого, щобы, той маетокъ заплатилъ.

Сыны Петровы ино ся одинъ на другого подивили и повѣдають: — Вы тату не смутѣтся, мы вже собѣ давно о томъ говорили, що мы тотъ маетокъ не пустимо въ чужіи руки, бо то наша батьковщина. Мы вже, дяковати Богу, маемо больше якъ тысячу ринскихъ, и що буде коштувати той маетокъ, то заплатимо. Мы ся о гроши не журимо, мы гроши достанемо, хотя бы и два такіи маетки заплатити. Мы грошей достанемо чи то у дѣдича, чи навѣтъ отъ тѣхъ чеховъ, нашихъ майстровъ, бо мы, якъ возили до нихъ тѣхъ сто ринскихъ, то тамъ на свои очи мы видѣли, що они дуже богаты люде и намъ повѣдали, що наколи бы намъ треба было на яке дѣло грошей, то они намъ охотно пожичагъ.

Петро якъ то почувъ отъ своихъ сыновъ, дуже обрадовался. На другій день пріѣхала зо суду комиссія продавати Стефановъ маетокъ. Заѣхали на Стефановъ пляцъ, где перше стояли будынки, а нынѣ не было ничего, ино якась копанка, що Стефанъ въ ней сидѣлъ. Народу собралося чуть не цѣле село и даже жиды изъ другого мѣста пріѣхали. Пришолъ и Петро со своими сынами. Петровы сыны повѣли начальнику громады, щобы жидамъ заборонилъ приступати до лицитаціи, бо грунтъ въ громадѣ кунять. Начальникъ согласился то сдѣлати, приступилъ къ жидамъ и такъ имъ сказалъ: — Вы ся не важьте приступати до лицитаціи, бо наши люде сами купять. Вы ся можете отсюда

заберати, бо вы не естѣ изъ того села. Уважайте, абы потомъ который изъ васъ не поволѣкъ ногами, бо я за тое не хочу отвѣчати.

Жиды щось пошварготали между собою и уступилися. Началася лицитація. По моргови то бы ся много нашло, щобы купили, а все разомъ то нема ни одного такъ богатого. На Петровыхъ сыновъ то ани никто ся не сподѣвалъ, щобы они до того могли приступити. Но Петровы сыны приступили до купца и згода въ згуду згодили весь маетокъ за чотыры тысячи ринскихъ. Заразъ выраховали пятнадцатъ сотъ, а тотѣ рещта обязались додати до 14 дней.

Судья согласился на то и сказалъ до громады: «Вамъ ся належитъ три тысячи, а той маетокъ продано за чотыры тысячи. Теперъ дано тысячу пятьсотъ, а до 14 дней мають доплатиш двѣ тысячи пятьсотъ. Изъ той тысячи надвышки будутъ покрыты кошта комиссії, а рещту, що ся остане, получить Стефанъ. Такъ теперъ за наши кошта судъ бере пятьсотъ, пятьсотъ маемо одати Стефанови, а остальныхъ пятьсотъ даемо заразъ теперъ громадѣ, при чемъ до 14 дней будетъ доплачено громадѣ еще двѣ тысячи пятьсотъ».

Громада на то пристала. Тогда судья приказалъ прикликати Стефана. Выкликали Стефана изъ той копанки, бо вже былъ самотный, такъ явъ жѣнка его покинула, коли почула, що Стефановъ маетокъ иде на лицитацію. Судья выраховалъ Стефанови тотѣ гроши. Всѣ люде зачали кричати: «Зраднику, Юдо! Юда Христа запродавъ, а ты насъ запродавъ!».

Стефанъ на никого не подивился, ино пошолъ назадъ до той копанки. Петрови слезы стали въ очахъ, и онъ собѣ помыслилъ: «Я тобѣ брате, не дамъ загинути, хотя ты мене такъ окривдиль».

На другій день рано приходитъ Петро до той копанки и дивится, но Стефана не видно, ино якась карточка висить. Петро прочитатъ ту карточку, а тамъ было написано: «Мене вже никто въ томъ селѣ не увидитъ, бо я иду въ свѣтъ за очи».

И Стефанъ пойшолъ Богъ знае куда въ свѣтъ, а Петро остался на цѣле село богачомъ. Двухъ сыновъ мае такими великими майстрами и третій вже въ кузнѣ помагае. Старша дѣвчина вже доросла, вже и старосты начинаютъ люде слати, и то першіи богачи въ селѣ. Но Петро часто говорилъ: «Я за богацкого сына своей дочки не думаю отдавати, бо я вже переконался, якіи то богацкіи сыны. Я свою дочку отдамъ за бѣдного, але честного человекъ».

Случилось, що той осени пришолъ изъ войска Николай, що попередно служилъ у попа въ томъ селѣ. Онъ еще съ малого хлопця пошолъ до службы, якъ ему родичи померли. Досытъ, що долго у попа служилъ, коло грунту зналъ дуже добре робити, бо былъ якъ бы господаремъ у попа и такой отъ попа взяли его до войска. Выбылъ Николай три роки при уланахъ и пришолъ назадъ до

села, до своего знакомого, и повѣдае: «А куда же менѣ идти? Я въ томъ селѣ выросъ, я всѣхъ людей знаю, а люде мене, такъ снова пойду до попа служити».

Петро якъ ся о томъ довѣдалъ що той Николай вернулся изъ войска и хоче идти до попа служити, то перевазалъ, щобы той Николай пришолъ до него, до его хаты. На другій день пришолъ Николай до Петра до хаты якъ разъ въ тотъ часъ, коли всѣ обѣдали. Николай всѣхъ чемно привиталъ. Петро поздоровилъ его, попрошилъ сѣдати и говоритъ: — Давно я вже тебе не видѣлу вже три роки минуло, якъ-есь пошолъ до войска, и ни разу не былъ-есь на урльопѣ дома.

—А чогожъ я малъ ѣхати на урльогъ до дому, — отвѣчае Николай: — коли умене нѣтъ дому. Родичей не маю, ани жадной близкой родины, а до чужого ѣхати на свята, то часами могъ бы нарѣкати. Хотя въ очи не скаже, але поза очи то такой скаже. Тому то я николи не просился на урльопѣ. Я бы могъ остатися при войску или до жандармеріи податися, но я такой службы не хочу, бо я привыкъ коло грунту робити и теперъ пойду до попа снова служити.

Петрова челядь пообѣдала и поросходплась — каждый до своей роботы, но Петро, его жена и дочка Катерина остались въ хатѣ. Катерина що ся подивить на Николая, то ся зачервонѣе, бо была такожъ красавиця. И Николѣ ничего не браковало — хлопецъ файный, а въ уланскомъ мундирѣ и при острогахъ — хлопецъ якъ намалеванный.

Петро зачалъ то о семъ то о томъ говорити, а наконецъ повѣдае: — Ты, Николаю, вже скончилъ войскову службу, такъ маешь идти до попа служити, лѣпше бери и женися, то будешъ своимъ господаремъ.

— Где менѣ бѣдному женитися безъ грошей и безъ грунту... Бѣдного никто не любить, — отповѣлъ Николай.

Петрова дочка не выдержала, а вмѣшалась въ бесѣду и сказала коротко: — Ничого що бѣдный, абы лишь гѣдный.

Николай якъ то почувъ, то здавалося ему, що небеса на него упали. Сталъ червонный, якъ кровь, а Катерина такъ само якъ бы перестрашилась того, що сказала, и почервонѣла. На то отозвался Петро и сказалъ: — Я тобѣ скажу, Николаю, моя дочка вже мала старосты, щобы ся отдавала, но я отказалъ имъ, що за богацкого сына своей дочки не отдамъ, бо л такъ переконался, що съ богацкого сына добрый господаръ не буде, бо онъ не знае труда пошанувати. Бѣдный пошануе роботу и мою дочку. Тебе вже я давно знаю, бо-сьмо оба неразъ у попа орали. Я такожъ былъ бѣдный, але менѣ Богъ далъ добры дѣти, то менѣ ся весь маетокъ вернулъ и еще братовъ маетокъ мы закупили. У насъ теперъ есть досыть маетки, то я бы собѣ жичилъ, щобы ты ся оженилъ съ моей дочкой Катериной.

Николай стоялъ якъ вкопанный, бо самъ собѣ не вѣрилъ, чи то сонъ чи то правда. Но Петро не успокоился, а дальше продолжалъ свое дѣло. Онъ обернулся до Катерины и спросилъ: — Скажи менѣ, Катернню, чи ты мала бы охоту от датися за Николая, чи ты бы его любила?

— Якъ вы скажете, то ся буду отдавати, а любити, то я его еще съ тѣхъ поръ полюбила, якъ мы до школы ходили, бо онъ менѣ все яблोकъ давалъ.

Петрови слезы въ очахъ стали, коли почувъ такіи слова своей Катерины. Онъ вспомнулъ свою бѣду въ тѣхъ часахъ, якъ его донька ходила до школы, и сказалъ: — Правду, дитионько, говоришь, Мы ся досыдъ набѣдили, але Господь милосердный за каждого памятае и за насъ не забылъ, ино мы за него не забываймо, бо Божа рука якъ хоче, такъ зробить. Богъ терпеливый и милостивый, но кто его прогнѣвить, то тому дуже горько, якъ его Богъ покарае. Такъ и насъ Богъ засмутилъ и розвеселилъ, але я николи на Бога не нарѣкалъ. На чужу кривду нема чого лакомитися, бо кто на чуже лакомится, то дуже часто еще и свое утратить. Я былъ бѣдный и я знаю душу бѣдного, то теперъ я бы хотѣлъ, щобы Николай оженился съ тобою, дитионько, если лишь вы любите одно другого.

— Чи вы на правду говорите, господарь, чи може ино мене такъ подходите? — выговорить съ трудомъ Николай.

— Най менѣ Богъ буде свѣдкомъ, що я все правду говорю отъ чистого сердца, — увѣридъ его Петро. — Я тебе Николаю не подхожу ани ся не смѣю, я щирю правду тобѣ повѣдаю.

— Коли вы на правду такъ говорите, — сказалъ расчувствовавшийся Николай: — то най вамъ Господь дае много здоровья и много лѣтъ прожити. Я не повстыдаюся коло грунту робити и васъ буду шанувати и вашу дочку.

Николай такой вже и остался у Петра. За пару недѣль, отбылосл весѣлье. Николай съ Катериной повѣнчались. Николаи коло грунту пильнуе, и Петро тѣшится, що мае такого доброго зятя. Сыны роблять майстрами. Вже и третій сынъ въ кузнѣ робить, а двѣ наймолодшіи дѣвчины вже мамѣ коло хаты помагають робити.

Но у Петра господарка велика, такъ що еще наймита тримае. Тѣ гроши, що было пожичили на поле, вже отдали. Одного разу повѣдае Петро до Николая: — Слухай, сыну Николаю, ты власне цѣлу господарку провадишь и пильнуешь, але я такъ не хочу, щобы ты на мене дурно робить. Перше всѣ-сьме до купы робили, бо треба было долгъ сплачати, а теперъ долгу нема, то навѣтъ люде могутъ говорити, що я принялъ зятя, щобы на мене робилъ. Но я такъ не хочу. Я тобѣ даю теперъ пять морговъ поля, а ты собѣ маешь съ нихъ весь сборъ

собирати кожного року и то можешь собѣ отдѣльно откладати. Насѣнье и работа то все мае идти съ купы, а потомъ то я васъ всѣхъ по справедливости подѣлю маеткомъ.

Николай красно подяковалъ Петрови за его добре сердце. Николай що року купить собѣ моргъ поля за тотъ сборъ, и Петро также прикупуе поле, маетокъ все ся прибольшае. Петро надъ бѣдными мае милосердіе. Кто до него прійде пожичати пашни чи грошей, то все пожичить, а кто мае малы дѣти, то Петро говоритъ: «Вы ся не квапьте менѣ хутко отдавати, бо у васъ есть малы дѣти, якъ подростутъ, то менѣ отроблять». Проценту николи отъ никого не бралъ.

Такъ минули роки. Петровъ третій сынъ выросъ, и взяли его до войска, на три роки. Служить онъ при войску одинъ рокъ, а на другой годъ написалъ, що на свята, на Рождество Христова, прійде до-дому на урлюпъ. Петро радъ бы zobачити сына, а мама еще больше, бо николи его не забывае, власне що-дня за него говоритъ.

Передъ самыми святыми пришло письмо отъ Петрового сына, що онъ пріѣзжае на самый Святый Вечеръ, щобы тато выслали фѣру до мѣста до колеи. До мѣста были двѣ мили отъ того села.

Дома всѣ ся тѣшатъ, що Дмитро пріѣде на свята. Пришолъ Святый Вечеръ, а то было въ четвергъ. Еще съ ночи дуже снѣгъ пустился и цѣлый день не перестае. Петро выглядаетъ на дворъ и беспокоино говоритъ: — Якъ тамъ ся до колеи достати.... така заверуха, що навѣтъ трудно собаку изъ хаты выгнати.

— То ничого не шкодитъ, що заверуха и великіи снѣги, — говоритъ Николай: — у насъ кони добры! и доведутъ насъ до колеи. Я поѣду самъ.

Зладилъ Николай сани, запрягъ кони и поѣхалъ до колеи. Пріѣхалъ и чекае. Колей мала пріѣхати на четверту годину, але черезъ великіи снѣги спознила и пріѣхала на пятую годину. Николай дивится, а Дмитро слазить съ вагона, та ба — Дмитро вже капралемъ. Оба звиталися, посѣдали на сани и вѣо до-дому.

Выѣхали за мѣсто — вже ся не видно. А ту заверуха, що свѣта Божого не видно. Николай подивился вокругъ и начинае бояться, щобы случайно не сбился съ дороги.

— Нан кони сами провадятъ, — говоритъ Николай до Дмитра: — бо конь съ дороги не сблудить.

Але дпилятся напередъ коней... щось тамъ иде. Що впадае въ снѣгъ, то ся двигне и пробуе идти дальше. Съ початку мыслили, що то якій дикій звѣрь. Подѣхали ближе, а то якійсь человекъ упалъ напередъ коней и лежитъ. Кони

стали, а Николай и Дмитро слѣзли съ саней до того чоловѣка. Рушаютъ его, а онъ вже и говорити не годець.

— Кто то може быти? — удивленно сказалъ Дмитро.

— Най буде, кто хоче, — отновѣль Николай: — но мы его тутъ вже не лишимо.

— Певно, що нѣтъ, — согласился Дмитро: — берѣмъ его до села, бо тутъ загине.

Высадили его на сани, позакрывали деками, и ѣдутъ до-дому. А дома вже все порыхтовано, ино бы до вечери сѣдати, но чекають на Николая и Дмитра.

— Кобы ино Богъ ихъ охоронилъ отъ всякого несчастья, бо така на дворѣ заметель, що страшно, — проговорилъ неспокойно старый Петро.

И все больше безпокойство въ хатѣ Петра. Катерина, Николаева жена, начала плакати. Ажъ тутъ слухаютъ... вже суть на подворью! Петро выбѣгъ со сынами изъ хаты и дивлятся, що Николай и Дмитро идуть и шей когось несутъ до хаты. Принесли того чоловѣка и положили посередъ хаты. Петро и всё домашніи стали приглядатися тому незнакомому несчастному человеку, а Николай зачалъ оповѣдати, якъ то имъ придарилося въ дорогѣ.

— Дуже добре зробили-сте, дѣтоньки, що-сте его взяли, бо то якійсь бѣдный мае быти, — сказалъ Петро и зачалъ его розвивати изъ тѣхъ декъ. Коли розвилъ его, то удивленно отступилъ крокъ назадъ и крикнулъ: «Дѣтоньки, та то мой братъ Стефанъ, а вашъ стрый!»

Петро заразъ приказалъ Стефана перебрати въ инше шматѣ, а то, що было на немъ, вынести до саду и спалити, бо больше въ немъ было латокъ, чѣмъ нитокъ. Стефанъ опамятался, понялъ, где онъ есть, и сказалъ: «Брате мой, прости менѣ, бо я недостойный быти нынѣ въ твоей хатѣ.

— Я тобѣ, брате, вже давно простилъ, — сказалъ Петро: — лишь най тобѣ Богъ простить. Я тебе малъ давно за умершого, але Господь Милосердный далъ менѣ еще тебе живого видѣти. Теперъ будемо въ купцѣ вечеряти, а по вечерѣ будемо собѣ розмовляти.

Позасѣдали всѣ за столъ, бо, Богу дяковати, фамилія велика и всѣ дорослы. Петрова жена, якъ мама цѣлой родини, ино до стола доносила. А на Святый Вечеръ щось дванайцять стравъ мае быти — есть коло чого ходити.

Повечеряли. По вечерѣ якъ заколядовали, ажъ ся хата стрясла. А Стефанъ ино собѣ слезы отирае. Окончили коляду, молодежь зачалася забавляти, якъ то все на Руси бывае, а Дмитро зачалъ повѣдати, якъ тамъ-того року при войску малъ Свята. Въ хатѣ весело, мати ся тѣшитъ и всѣ ся тѣшать, ино Стефанъ невеселый.

— Брате, — говорить онъ до Петра: — а тѣ що за люде, бо я ихъ не знаю?

— Та-жъ то мои дѣти, а тотъ то мой зять, бо я вже одну дочку выдалъ!

Стефанъ тяжко зотхнулъ и повѣдае: «Брате, яка у тебе нынѣ веселость, якіи у тебе дѣти красны, великіи и добры, що всѣ при тобѣ, а що я варта? Я цѣле житѣ свое не малъ веселости. Мене Богъ покаралъ за мою гордость и за лакомство, бо я былъ лакомый, щобы никто ничего не малъ, ино я. За то мене Богъ покаралъ. Я не малъ милосердія надъ тобой ни надъ твоими дѣтьми, а нынѣ якъ бы не твои дѣти, то я бы погибъ въ чистомъ полѣ и може звѣри вже шарпали бы мое тѣло, бо я вже не былъ въ силѣ дойти до мѣста».

— Не сумуй брате, — отповѣлъ Петро: — я тобѣ не дамъ загинути. Мы родны братья, одна кровь. Я не такъ маеку своего не жалувалъ бы, але и своей крови я бы тобѣ далъ охотно. Я такой заразы на другій день по лицитаціи иришолъ было до тебе, але тебе вже не засталъ, ино была карточка написана твоей рукой, що тебе вже больше никто не увидитъ въ нашомъ селѣ.

— Я мусѣлъ выйти изъ того села, — проговорилъ Стефанъ: — бо менѣ было стыдно. Я на никого не могъ ся дивити, бо за мною всѣ кричали: «Зрадникъ». Я ся досытъ набѣдилъ по свѣтѣ. Тѣ гроши я загубитъ, и никто нигде не хотѣлъ мене принята ни переночевати. Я вже хотѣлъ собѣ житѣ отобрати, але я собѣ подумалъ въ душѣ, що треба такъ покутовати за своего брата, которого я такъ обѣдилъ и надъ которымъ я не малъ ніякого милосердія, и за небощика тата, которы не были виноваты, а я на нихъ всю вину звалилъ, и цѣле село имъ кляло. Я за нихъ вже на томъ свѣтѣ отпокутовалъ, но шей на тамъ-томъ свѣтѣ треба буде отповутовати. А за тебе, брате, то мене Богъ николи не проститъ, бо я тебе страшно окривдилъ. Я тобѣ брате до всего ся признаю нынѣ, бо я вже буду умирати. Я доти не годенъ умерти, доки я тобѣ своей тайны не росповѣмъ. Я не хочу съ тѣмъ ставати на Божій судъ. Такъ слухай, мой брате... Я на тебе былъ дуже злый, що ты ся оженилъ, бо менѣ было жалъ того маеку, що ты половину взялъ, и съ той злости я самъ твое обійстьє подпалилъ. Такъ черезъ мене ты зійолъ на страшну бѣду. Твое все майно погорѣло, а мое сумлѣньє згорѣло въ томъ огнѣ. Отъ тогды я не малъ вже доброго сумлѣнья, и громадске пасовиско запродалъ. Гроши менѣ не пришли до пожитку, бо люде мене проклиали и мой весь маекъ поишолъ марно, и я самъ ничего не варта нынѣ. А тебе, брате, Богъ поблагословилъ добрыми дѣтьми, и ты нынѣ господаръ на цѣле село.

Тяжко было Петрови слухати тѣ слова своего брата, но коли подивился на безсильного, горемъ избитого и надъ гробомъ стоящего Стефана, забылъ за свою кривду и простилъ все несчастному брату.

Минулися Свята. Дмитро отѣхалъ до войска, а Стефанъ дуже тяжко захоровалъ и до тыждня померъ. Петро похоронилъ своего брата, якъ ся

належить, по христiански, и выставилъ крестъ на его могилѣ съ надписью : «Не треба никому жичити того, що тобѣ не мило».

Прочитай собѣ, дорогiй читателю, тоту повѣсть съ увагою. Чи мало такихъ случаевъ есть? Той запродавъ громаду, другiй запродавъ голосъ при выборахъ, третiй скривдилъ своего брата, тамъ снова одинъ выкопалъ яму для своего прiятеля — а все за гроши, все за лакомство. Свою честь свой гоноръ стратить между людьми, абы ино богачомъ быти. Добре быти богачомъ, але честно доробитися майна, щобы не стратити сумлѣнья. Кто ся честно доробить майна, тому Богъ допомагае, а который не но справедливости, того колись Богъ досягне. Лучше для человекa быти бѣднымъ, нежели богатымъ, а не мати чести отъ людей.

К О Н Е Ц Ъ

МАКСИМЪ ПРИГОДА,

ВУНСОКЕТЪ, Р. АЙ.